

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ. Издательница Н. К. Дмитріева.

Типографія М. Г. Корнфельда, Бассейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ. С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

КОНТОРА. С.-Петербургъ, Лиговская, 86. Телефонъ 655—96.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к.

№ 3.

СПБ. 1914

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.

Пріемъ подписки и розничная продажа.

А. Вахрамѣевъ.

Ефимъ Садовичъ.

1. ЖИЗНЬ.

Люблю тебя жизнь, многогранная,
Великая, старая. новая,
Изъ слезъ и улыбокъ сотканная,
Суровая, нѣжно-лиловая.
Любима со всѣми капризами,
Запретами злыми, преградами,
Своими паденьями, низами,
И ядами змѣй и отрадами,
И дерзкими къ солнцу полетами,
И сине-зовущими далями,
И мелко-земными заботами,
И острыми будней печалями.
Заманчива, жизнь ты, загадками,
Великими, малыми тайнами,
Затишьями, бурями краткими,
Красивыми, злыми, случайными,
Налетами ярко-гремучими,
Какъ грозы весны громоносныя,
И сладкими днями, пѣвучими,
Какъ ангелы благъ свѣтоносные.
Ведешь въ лабиринтъ свой дорогами,
Волшебными, нами незримыми:
То тучами дышешь—тревогами,
То сказками вѣешь любимыми.
Загадка—ты жизнь, многоликая.
Какъ фея влечешь, ты заманчива.
Люблю тебя, книга великая,
Хотя ты, какъ призракъ обманчива.

2. ВЪ ПОИСКАХЪ.

Блуждаю въ гущѣ, гдѣ нависли
Туманы каркающихъ думъ,
Гдѣ перепутья спорной мысли
И гдѣ сомнѣній ропотъ, шумъ.
На перевитыхъ перекресткахъ
Тріумфъ, паденіе божковъ,
Но грежу я о новыхъ блесткахъ
Единой правды всѣхъ міровъ.
За нею въ поискахъ я буду
Блуждать и рыскать по лѣсамъ
Пока изношенному люду
Святого лика я не дамъ.
И, томный, жаждущій, голодный,
Я безъ побѣдъ не отступлю.
О, скрытый ликъ свой благородный
Яви скорѣй, тебя молю.

3. ТРИ МИГА.

Въ синихъ даляхъ и румяныхъ,
Въ сказкахъ свѣтлыхъ, златотканныхъ
Гасла дѣтская пора:
Въ маяхъ смутныхъ и туманныхъ,
Въ хмѣлѣ утреннемъ Вчера.
А подъ небомъ ночи черной
Въ думъ и мыслей рощѣ спорной
Весь Сегодня скорбный мой;
Онъ мятежный, непокорный
Грезитъ дальнею звѣздой.
Завтра въ радугахъ закатныхъ,
Въ майскихъ зоряхъ, ароматныхъ,
Весь цвѣтетъ, какъ самъ обманъ:—
Плодъ мечтаній необъятныхъ,
Какъ безбрежный океанъ.

4. ЭЛЕГІЯ.

Торопитъ время бѣгъ часовъ...
Поютъ молитвенно куранты...
Въ лицо мнѣ смотрятъ фоліанты,—
Ряды запыленныхъ томовъ
Стоятъ во фронтъ, какъ легіоны,
Тихи, мертвы, какъ фараоны.
Во тьму погашенныхъ вѣковъ
Голодно—жаждущее око
Вонзилъ мучительно глубоко;—
О лучшихъ розахъ изъ цвѣтовъ
Читаю пестрыя страницы:
Ихъ пурпуръ славы, гордость львицы,
Ихъ красоту, какъ розы шелкъ,
Ихъ пламя сердца, духа зрѣлость,
И средь рабовъ ихъ подвигъ—смѣлость.
Но пестрый шумъ давно умолкъ!
Какъ смутный сонъ, потухли звоны...
Какъ дымъ и тьма, померкли троны—
Мгновенный блескъ вѣнковъ, знаменъ.

Теперь все ложь подъ ветхой пылью,
Подъ прахомъ, плѣсенью и гнилью.
Какъ стерла все печать временъ!
И полный скорби, укоризны,
Смотрю въ страницы нашей жизни:
О, даже лучшимъ изъ похвалъ,
Изъ яркой свиты, славы нашей
Не миновать той самой чаши...
И имъ забвенье—тотъ финалъ!..

Надежда Ландская.

1.

Въ темныя тихія воды затона
Глянула трепетно-нѣжно звѣзда...
Грусть моей сказки весенней бездонна
И одинока всегда.
Ночи задумчивой вздохи глубоки
Ласково-кротокъ участливый взглядъ...
Въ снахъ моихъ теплятся робко намеки
На одинокій закатъ.
Радость весны не идетъ, запоздала.
Никнутъ акаціи къ ночи на грудь ..
Господи! Господи, какъ я устала,
Какъ я хочу отдохнуть!

2.

Въ нѣжной грусти больной розоватой зари
Потухающей дымкой любви озаренная,
Чернымъ флеромъ повила свои алтари
И угасила сіянье надзвѣзднаго трона я.
Вся измучена тщетными ласками чаръ,
Неизжитыми снами и горькими былями,
Я на скалы какъ гордый безумецъ Икаръ,
Пала въ жизни съ разбитыми крыльями.
Серебристыя дали такъ кротко-грустны
Зазвенѣли мнѣ пѣсней избывно-знакомою
И склонились ко мнѣ нерасцвѣтшіе сны,
Недопѣтыя пѣсни съ предсмертной истомою.
Догораютъ огни въ моемъ храмѣ земномъ
Гаснутъ слезы надъ сказкою—вѣчной утратою...
Я надъ бездной съ поломаннымъ бѣлымъ крыломъ.
Засыпаю надъ дымкой зари розоватою.

3.

Разметавъ свои крылья надъ бѣлымъ чертогомъ
Грустныхъ утреннихъ ландышей первой весны.
Черной ночью склонились въ молчаніи строгомъ
Побѣжденные призраки—сны...
Скорбно подняли очи Тому, Кто въ просторахъ
Погасилъ и развѣялъ послѣдній костеръ,
И такая тоска загорѣлась во взорахъ,
И такой молчаливый укоръ.

4. ВЪ СТЕПИ.

Синеватые сумерки дали запрятали
Подъ больнымъ и усталымъ крыломъ...
Не пойму я, что въ сердцѣ тоскуетъ: утрата-ли
Всѣхъ надеждъ или грусть о быломъ.
Или плачетъ звенящими тонкими нотками,
Неизжитая ласка въ груди,
Или небо заглянуло звѣздами кроткими
Въ глуби сердца и шепчетъ: не жди!..
Надъ уснувшими травами вѣтеръ проносится.
Далеко загорѣлся костеръ.
Я не знаю, что въ душу мнѣ ласково просится,
Эта грусть, что въ затерянной пѣснѣ доносится,
Или милый солгавшій мнѣ вздоръ.

Ин. Бекетовъ.

ЛЮБОВНАЯ ДУЭЛЬ.

Въ небѣ желтые павлины,
Зацвѣтая встали въ даль.
Выходи на поединокъ,
Обнажая злую сталь.
Путь путей неисповѣденъ:—
Гдѣ послѣдній ляжетъ путь?
Вечеръ зоревый побѣденъ
Подставляй ударамъ грудь!
Вечеръ золото расплавилъ,
Душной тьмы раскинулъ шаль.
— Ты знатокъ дуэльныхъ правилъ.
— Обнажаю злую сталь.
Намъ свидѣтелей не надо
Для сраженья и пировъ.
— Кинь же черный шелкъ нарядовъ
На узоръ моихъ ковровъ!

Георгій Гли.

1. СИНЕЙ НОЧЬЮ.

Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры..
Въ скалахъ шумъ испуганныхъ шаговъ..
Не вонзай въ морскія дали взоры:
Море въ глубь свою зоветъ безъ словъ!..
Есть языкъ таинственный у моря:
Синей ночью въ тихій звѣздный часъ
Лунный свѣтъ, съ волною сонной споря,
Завлечетъ въ объятья моря васъ...
Эту тайну вѣчно, непреклонно
Море спящее всегда въ себѣ хранитъ,
Въ синій часъ, когда на небосклонѣ
„Южный Крестъ" блеститъ—какъ хризолитъ.
Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры...
Слышенъ всплескъ встревоженной волны...
Ахъ! зачѣмъ ты вдаль вонзала взоры
Въ часъ сапфирной, матовой луны...

2. МИНЬОНЪ.

Полудремота, полусонъ:
Извивно-медленный миньонъ.
Улыбка тихихъ синихъ глазъ:
Въ огнѣ расплавленный топазъ
Уйдемъ, дитя въ лиловый залъ:
Онъ нелюдимъ, уютенъ, малъ...
Здѣсь средь толпы бѣлѣетъ грудь,
Сверкаетъ взоровъ страстныхъ муть...
А тамъ неясный синій сонъ
Въ твоихъ глазахъ, и я влюбленъ...
Но чутко, нѣжно я люблю
Огнемъ страстей не отравлю...
Издалека подъ круглый сводъ
Слетаетъ звуковъ хороводъ,
И мы подъ дальней арфы звонъ
Танцуемъ медленный миньонъ.

Сем. Никитинъ.

Отдаться смѣло во власть минуты,
Разстаться съ плѣномъ нѣмой темницы,
Усильемъ мощнымъ порвать всѣ путы
И улетѣть бы свободной птицей!

Заглавный рисунокъ къ «An Evil Mother hood».

Обложка къ «The Savoy» V.

Тутъ такъ характерно выраженіе—„онѣ казались откормленными дорогими вышивками и парчами“.

Такъ удачно оно примѣнительно къ бабочкамъ съ пестроцвѣтными бархатными крыльями.

И такъ идетъ оно къ самимъ рисункамъ Обри Бердслея.

Пригласительный билетъ.

Они эти рисунки правда въ большинствѣ случаевъ кажутся откормленными вышивками и парчами.

Они такъ насыщены дорогими украшеніями графики.

Въ „Аббатѣ Фанферлюшѣ“, въ „Битвѣ прелестницъ“, въ „Туалетѣ Венеры“, въ „Салонѣ“, „Прогулкѣ“, „Слугахъ Венеры“, „Мадоннѣ“ и въ особенности въ фантасмагорическомъ „Сплинѣ“ художникъ проявляетъ такую изумительную растительность, что хочется положительно взять ее подъ опеку.

Обложка къ «A Book of Fifty Drawings».

Нѣкоторые изъ рисунковъ такъ густо опышнились изысканными штрихами искусства, что кажутся старинными гравюрами на деревѣ.

Ювелирная работа! Изумительное рукодѣліе!

Съ такимъ трудолюбіемъ и искусствомъ работали только старинныя великіе мастера!

Обложка къ «The Iollow book» II.

Сѣдые, благовидные они мудро годами сидѣли за своими гравюрами, бороздя рѣзцомъ доску медленно, но вѣрно, настойчиво, любовно, искусно и вкусно.

Своей вѣрѣ, терпѣнію и умѣнію они учили, какъ апостолы, учениковъ.

Обри Бердслей умеръ 26 лѣтъ.

Онъ не имѣлъ ни сѣдыхъ волосъ, ни сѣдыхъ думъ.

Онъ не имѣлъ времени тратить годы на свое искусство.

Поражаешься, когда онъ успѣлъ наработать такъ много.

Онъ никого не училъ.

Хотя у него учились, учатся и будутъ учиться.

Кто былъ Обри Бердслей?

Свѣдѣнія о немъ очень скудны.

Весь фактическій матеріалъ сводится къ слѣдующему

Родился онъ въ Брайтонѣ 21 августа 1872 года.

По словамъ его главнаго біографа Роберта Росса, онъ былъ съ дѣтства тихимъ, застѣнчивымъ, хилымъ ребенкомъ.

Съ семилѣтняго возраста у него обнаружился туберкулезъ, такъ что его пришлось взять изъ „Дѣтскаго сада“ въ Брайтонѣ и перевести въ приготовительную школу въ Херстпійрпойнтѣ.

«Венера»

Въ 1881 году его переводятъ въ Ипсомъ.

Въ 1883 году семья и онъ переселяются въ Лондонъ и тутъ вотъ на одинадцатомъ году жизни начинается его общественное служеніе.

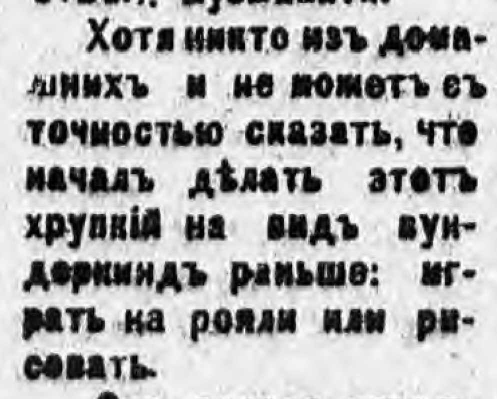
Сначала въ качествѣ... музыканта.

Хотя никто изъ домашнихъ и не можетъ съ точностью сказать, что началъ дѣлать этотъ хрупкій на видъ вундеркиндъ раньше: играть на рояли или рисовать.

Онъ всегда игралъ и всегда рисовалъ.

И всегда говорилъ что, музыку любитъ и знаетъ.

— Это единственное въ чемъ я понимаю толкъ.

Обложка къ «Pierrot».

Обложка къ «The Iollow book» VI.

Обложка къ «The Cambridge A. B. C».

Обложка «The Iellow book III.

А. Любимовъ.

Три Офорта.

1. Въ ОКНО.

Они давно разошлись злобно, полные ревности и невысказанной горечи... Все затаенное въ душахъ, заглушенное измѣной и ненавистью, словно пропасть отдѣляло ихъ другъ отъ друга и выросло въ чудовищное ночное дерево, почти сказочное, съ зелеными, проникающими въ темныя извилины чувствъ, глазами, которые увидѣли...

Въ окно шестого этажа, внизу, на залитой яркимъ веселымъ свѣтомъ, улицѣ, среди торжественнаго шума пасхальной ночи:

Ея автомобиль остановившійся у самаго его дома, она сидѣла съ кѣмъ-то, чужимъ, и поеживалась въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ отъ холодного воздуха весенней ночи..

— Какъ ей холодно! Она можетъ простудиться, какая неосторожность!—подумалъ онъ и приникъ лицомъ къ стеклу.

2. НА НАБЕРЕЖНОЙ.

Набережная съ каменными высокими домами такъ прекрасно перемѣшивающимися своими красками: бѣлыми, желтыми, сѣрыми, зелеными и красноватыми. Вдоль нихъ чинно выступаютъ гуляющіе, вышедшіе встрѣтить ранній весенній день, вотъ прошелъ офицеръ съ двумя дамами, а за ними, улыбающіяся въ какихъ то необыкновенно веселыхъ шляпахъ, дѣвушки, онѣ кого-то догоняютъ...

А вдоль гранита у рѣки толпятся правовѣды, какіе-то военные, стоятъ прислонившись спиной, къ блестящему на солнцѣ камню, они не видятъ ни синей рѣки, ни радостныхъ лицъ, а стараются разглядѣть въ мелькающихъ моторахъ и экипажахъ знакомыхъ и во время поклониться... Или проводить взглядомъ одиноко сидящую въ открытомъ автомобилѣ скучающую женщину... Мимо нихъ проходятъ пары, тоже занятые только собой; вотъ прошла прелестная дѣвочка съ распущенными волосами, въ короткомъ, до колѣнъ, пальто, а за нею гувернантка...

Передъ ними нянька въ кокошникѣ толкаетъ колясочку съ какимъ то розовымъ существомъ во всемъ бѣломъ...

А посреди улицы, по торцовой мостовой, вереница моторовъ и экипажей катитъ безпрерывно впередъ и уноситъ на своихъ мягкихъ подушкахъ стариковъ, они видятъ все: и радость дня и шумное оживленіе гуляющихъ,—они созерцаютъ спокойно разыгрывающійся здѣсь спектакль изъ ихъ давно ушедшихъ дней..

Но они не ощущаютъ его.

3. ВЪ КАФЭ.

Здѣсь все въ полутонахъ... Кафэ пріютъ и покровитель маленькихъ таинственныхъ намековъ, которые быть можетъ, со временемъ, станутъ тайнами—когда выйдутъ изъ этой тѣсной, съ зеркальными стѣнами, залы. Маленькіе круглые столики благопріятствуютъ ненужной близости, колѣни соприкасаются... И иногда столикъ подскакиваетъ, взволнованный толчкомъ, словно на спиритическомъ сеансѣ. Здѣсь отъ четырехъ до пяти бываютъ и дамы изъ общества и пьютъ горячій, безвкусный чай. И заѣдаютъ глотки красноватаго напитка кусочками кекса, испещреннаго изюминками, онъ крошится, разсыпается какъ и ихъ мысли... Возлѣ безобразно-круглыхъ чайниковъ стоятъ бѣлые кувшинчики со сливками... Между столиками снуютъ неслышными шагами лакеи, а неудобные стулья невольно напоминаютъ о мягкихъ, удобныхъ диванахъ

Татіана Шенфельдъ.

1. „ЖИЗНЕННОЕ„.

Милой Эдѣ.

Я шелъ по мосту... Внизу протекала рѣка... Играло весеннее солнце.. И дразнило своей теплотой... Весна побѣдоносно внесла нѣгу, пестроту своимъ приходомъ... Да,—я шелъ по мосту. Около перилъ стояла дѣвушка и смотрѣла въ воду. Сняла перчатку, бросила... Сняла другую, и тоже долго глядѣла какъ уносило теченіе. . Я тихо подошелъ и спросилъ:

— Зачѣмъ?

— Ему!

— Давно?

— Недавно! И дѣвушка ушла, и пока шла по мосту, все глядѣла какъ плыли перчатки по черной и мутной рѣкѣ.

Я ее больше никогда не видѣлъ.

2.

Милой Эдѣ.

Я люблю писать о чемъ нибудь... Такъ просто возьмешь ручку и начнешь писать... Пишешь и не знаешь о чемъ... Мысли бѣгутъ, слагаютъ образы, картины и создаютъ нѣчто цѣлое... И самъ не знаешь, что создать можешь никому не нужное, плохое, ничтожное, а можешь великое... Часто меня прерываютъ и не даютъ мнѣ писать... Вотъ сейчасъ, я пишу и слышу за стѣной кто-то кричитъ: „Посмѣй только, я полицію позову... Это законную жену... Ахъ ты сволочь!..". Гдѣ-то плачетъ ребенокъ... На мигъ умолкаетъ, но потомъ снова начинаетъ плакать. На дворѣ залаяла собака... Путаются мысли... Застилаются туманомъ... Падаетъ изъ рукъ перо. . И больше не пишешь.

Абрамъ Лане.

4. МЕСТЬ КРАСОТЫ.

(сказка).

Она жила далеко далеко отъ земли въ звѣздномъ замкѣ. Когда не слышно спускалась на землю ночь и утопали города въ лиловыхъ сумеркахъ, въ таинственной глубинѣ неба блѣдно загоралась тускло серебрянная дорога. Она вела въ ея далекую страну. Вѣчная весна царила въ ея странѣ. Благоухали алыя розы и изумрудные акантусы, гирляндами увивая мраморные порталы. Золотыя курильницы струили ароматъ сжигаемыхъ благовоній и, утопая въ ихъ струяхъ, звучала тихая музыка, сплетаясь въ серебряные хороводы. Свѣтлая и радостная, вѣчная и прекрасная, она рождала невѣдомыя мелодіи и, на солнечныхъ лучахъ, спускалась на планеты. Разцвѣтали голубые цвѣты, зеленѣли деревья, упоенно шептали листья, ища жадныхъ объятій, а юноши влюблялись въ дѣвушекъ и слагали пѣсни о красотѣ и любви, пьянѣя отъ аромата цвѣтущей сирени. Эти мгновенья называли люди весной.

Но это было давно. Съ тѣхъ поръ какъ построили люди каменно стальные города съ безвыходными лабиринтами улицъ, они забыли о ней. Подъ шумъ машинъ, подъ грохотъ паровыхъ молотовъ люди молились новому Богу—стали и золота! Старый магъ и мудрецъ, царь земли, Разумъ, оковавшій жизнь рядами цифръ, изгналъ ее. Когда цвѣли сирени и пѣли за рѣкой соловьи, а на небѣ пылалъ золотисто-багровый костеръ, она бродила въ вечерѣющихъ рощахъ въ вѣнкѣ изъ молочно бѣлыхъ лотосовъ. И юноши и дѣвушки, и цари и рабы, забывая все на свѣтѣ, искали любви опьяненныя ея пѣсней. А она пѣла: „Живите! Наслаждайтесь жизнью! Посмотрите какъ изумрудны лѣса, какъ лазурно небо, какъ прекрасны юноши и дѣвушки!? Поменьше здраваго смысла, — красота и любовь властвуютъ подъ міромъ. И уходили люди изъ городовъ, въ лѣса и рощи и сплетали дѣвушки въ честь ея вѣнки, а поэты слагали гимны: Красота и любовь! Красота и любовь!.

Старый магъ и мудрецъ, оковавшій жизнь рядами фирръ засѣдалъ 33 дня въ своей высокой башнѣ окованной сталью. Онъ сказалъ людямъ своимъ рабамъ:

— Она разрушаетъ намъ то, что мы создаемъ—города!".

Ее схватили и сожгли когда она пѣла за рѣкой въ вечерѣющихъ рощахъ о красотѣ и любви. Она живетъ съ тѣхъ поръ съ своемъ звѣздномъ замкѣ. Люди забыли о ней. Стѣны замка считаютъ они далекими звѣздами, огненными солнцами, а тускло серебрянную дорогу, перекинутую надъ землей,—млечнымъ путемъ. Города оковали землю каменно-стальнымъ панцыремъ, съ змѣистыми улицами, съ гигантами домами и люди утонули въ нихъ, блѣдныя изнеможденныя люди, съ пунктуально размѣренными душами.

Но не всѣ забыли ее. Небольшая группа людей, которыхъ въ городахъ называли поэтами, помнила ее и хранила ее завѣтъ. Въ городахъ поэтовъ считали самыми безполезными и презрѣнными людьми. Держали они себя, странно, вызывающе. Не признавали власти стараго мага Разума, жили на чердакахъ, превращали день въ ночь, а ночь въ день, отвергали всякіе порядки, и пѣли о какой-то дѣвушкѣ въ вѣнкѣ изъ молочно-бѣлыхъ лотосовъ, которую никто не видѣлъ, и о которой никто не слышалъ. Пѣли о какихъ-то алыхъ цвѣтахъ, о вѣчной веснѣ царящей въ звѣздномъ замкѣ. Звали въ эту вѣчно прекрасную страну счастья и любви,—гдѣ царитъ она, ихъ королева, — дѣвушка въ вѣнкѣ изъ молочно-бѣлыхъ лотосовъ. И никто изъ людей города не слушалъ ихъ, пѣснь утопала въ грохотѣ работающихъ машинъ. Но это только казалось... Когда пѣсня долетала до звѣзднаго замка, она ихъ королева, брала арфу и, на солнечныхъ лучахъ, долетала до земли упоенная мелодія. Сурово хмурились тогда сѣдыя брови стараго мага. Въ грохотѣ машинъ различали люди, что-то непонятное,—это были звуки мелодіи. Непонятное безпокойство и тоска охватывали ихъ пунктуально размѣренныя души. Они бросали работу и искали лѣсовъ. Лѣсовъ не было. Зеленѣли только обезсиленныя деревья городовъ, выростала тощая трава въ скверахъ а въ промежуткахъ между домами призывно улыбались клочки неба. Старый магъ безпокойно шагалъ въ своей высокой башнѣ окованной сталью, и хмурилъ сѣдыя брови. И хмурились злобно съ нимъ вмѣстѣ дома и змѣистыя лабиринты улицъ.

„— Уничтожить деревья! Вырвать траву! Пусть громче громыхаютъ паровые молоты, свистятъ ремни, рыдаютъ шестерни,—заглушая эти проклятые звуки, лишающіе людей разсудка. А этихъ поэтовъ схватить и засадить въ дома для сумашедшихъ. Нѣтъ ихъ солнечно-прекрасной страны! Есть города!!

Поэтовъ схватили и посадили въ дома для сумашедшихъ. Умолкли ихъ пѣсни. Разошлись морщины на лицѣ Разума, люди успокоились и возвратились къ работамъ. Гудѣли ремни, рыдали шестерни, лязгала сталь,—говорилъ старый магъ.

— Тайна внѣ насъ! Наши машины разрушаютъ ее—я буду властелиномъ „вселенной"!.

О поэтахъ, заключенныхъ въ дома для сумашедшихъ, забыли. Но было больше весны, не раздавалось больше пѣсенъ смущающихъ покой пунктуально размѣренныхъ душъ. Поэтовъ забыли. Но не умерли поэты! Въ домахъ для сумашедшихъ, за толстыми стальными стѣнами, они пѣли свои гимны. Они призывали ее сойти вновь на землю, чтобы отъ ея улыбки цвѣли голубые цвѣты, деревья, травы, звучала пѣснь соловья въ вечерѣющихъ рощахъ, и благоухали бѣлыя лиліи въ тихихъ заводяхъ, таинственно осеребренныхъ луною.

И она пришла.

Съ утра солнечно алѣло небо, будто жгли гиганскій золотисто багровый фейерверкъ. Замерли города, остановились машины, и проклинали безсильно улицы и каменно стальные дома.

Она пришла. Она спустилась на солнечной колесницѣ, которую мчали 12-ть огненныхъ лебедей. Въ вѣнкѣ изъ молочно бѣлыхъ лотосовъ, съ лицомъ радостно свѣтлымъ. Она играла на арфѣ. Отъ радостно могучихъ звуковъ таяла холодная сталь, исчезали дома, а въ безсильно проклинающихъ улицахъ расцвѣтали золотисто-алые цвѣты. Шумно восторженными толпами шли за ней люди. Крѣпли мускулы, загорались взоры и то, что раньше дремало просило выхода. Пламенѣлъ румянецъ на блѣдныхъ щекахъ, губы

все громче и громче шептали: Красота и любовь! Красота и любовь!

Пока говорила восторженно прекрасная; вся—солнце!; вся—любовь!; вся—красота!

— Живите! Наслаждайтесь жизнью! Поменьше здраваго смысла. Красота и любовь властвують надъ міромъ!

Старый магъ Разумъ въ безсильи метался въ высокой башнѣ, окованной сталью. Онъ видѣлъ какъ рушились города, какъ по всей землѣ расцвѣталъ благоухающій садъ, и бѣжали шумно возбужденныя толпы. Онъ сознавалъ свое безсилье. Онъ чувствовалъ какъ дрожатъ стѣны стальной башни — его послѣдняго оплота. Онъ проклиналъ безсильно старческими проклятіями. Напрасно... Растаяла сталь—рухнула башня. Тѣнистая съ серебрянымъ прудомъ беззвучно дышала, и кружилась голова отъ аромата цвѣтовъ. Старый магъ шелъ путаясь въ высокой травѣ. Роща тонула въ фіолетовыхъ сумеркахъ мелькали люди, шуршали раздвигаемые кусты, замиралъ серебристый смѣхъ дѣвушекъ. Недалеко отъ разума шли обнявшись дѣвушка и юноша, головы ихъ были убраны вѣнками розъ.

— Она прекрасна!—говорилъ юноша:

Лицо ея—солнце! Пѣснь ея—жизнь! Я упалъ передъ ней на колѣни, а она мнѣ бросила розу изъ вѣнка вѣнчавшаго ея чело. Эту розу я подарилъ тебѣ...

— Милый какъ хорошо любить! — шептала радостно дѣвушка. Какой правда дуракъ этотъ Разумъ! Онъ вѣроятно и не думаетъ, что такъ хорошо безъ его „здраваго смысла".

Старый магъ Разумъ недовольно нахмурилъ брови, и отошелъ въ сторону, дѣлая видъ, что не слышитъ. Навстрѣчу шептала сладострастно трава, вздыхали томно розы, на вѣтвяхъ, вдохновенно мечтали соловьи. Старый магъ хотѣлъ обойти кусты, изъ подъ которыхъ слышался заглушенный смѣхъ, какъ вдругъ кто-то взялъ его подъ руку. Стояла дѣвушка въ вѣнкѣ изъ анемоновъ съ призывно-искрящимся взоромъ.

— Скажите пожалуйста?.—Онъ одинъ!—прощебетала она такимъ нѣжнымъ голосомъ, что у стараго мага забѣгали по спинѣ огненныя мурашки.

— Когда все поетъ о красотѣ и любви,—онъ одинъ!

Дѣвушка сняла съ себя вѣнокъ и ловкимъ движеніемъ увѣнчала имъ его чело.

— А она, ей Богу, недурна — подумалъ Разумъ: какъ это я раньше не замѣчалъ?

— Гдѣ-же ваша королева?—спросилъ онъ ее, чтобы скрыть охватившее его чувство.

— Онъ не знаетъ гдѣ королева!? Скажите пожалуйста, онъ не знаетъ гдѣ королева! Послѣ того какъ она разрушила городъ, и изгнала царя Разума, она бродитъ по рощамъ и поетъ аккампанируя себѣ на арфѣ.

Вздрогнула мягкая фіолетовая полумгла, запѣли громче соловьи, задышали порывистѣе цвѣты,—дѣвушка увлекла его къ серебрянымъ прудамъ гдѣ голосисто и влюбленно квакали лягушки...

Утромъ когда взошло солнце и алѣло золотистое небо, изумрудный садъ окутавшій всю землю дымился и благоухалъ. Въ рощѣ, у серебрянного пруда, на обрызганной росой травѣ сладко спалъ обнявшись съ дѣвушкой потерявшій разумъ старый магъ Разумъ.

Это была месть красоты.

Грааль Арельскій.

ЛЯЛЕЧКА БОЛЬНА.

Сѣренькій день пожалѣли грустящіе сумерки и тонкой задумчиво-синеватой дымкой ласково повисли, затуманили его. Тишина вечерняя замерла въ комнатахъ кроткая, покорная... Лялечка затихла на кровати, подъ бѣлымъ одѣяломъ. Крѣпко прижала къ груди мамину руку. Пугливо смотритъ лихорадочно мерцающими, черными глазами куда-то далеко... глазами десятилѣтняго ребенка, подернутыми легкой поволокой пробуждающей вдумчивости, пытливаго отношенія къ жизни. Мама ле...итъ рядомъ. Ея бѣлое матинэ такъ похоже на легкое платье тоненькой, шаловливой дѣвочки, отъ которой пахнетъ весной.

Тихо... мама задумалась, а папа въ сосѣдней комнатѣ перелистываетъ книгу. Не уходитъ. Дома остался.

Лялѣ жарко. Открыла ротъ и дышетъ... скоро такъ. Смотритъ на маму долго, пристально.

— Мамочка!

У мамы взглядъ безпокойный, безпомощный

— Что дѣтка?

— Ничего... я такъ!

Отпустила мамину руку, повернулась на бокъ, шумно вздохнула. А стулъ въ кабинетѣ загремѣлъ. Папа зашагалъ. Стройный, въ синемъ костюмѣ, а волосы, какъ золото. Стоитъ въ дверяхъ улыбается Лялѣ а смотритъ въ сторону, на маму.

Мама не обернулась. Лежитъ какъ раньше.

— Знаешь... я за докторомъ пошелъ-бы!..

Мама молчитъ.

— Пойти?..

Папа дѣлаетъ два шага впередъ, но къ кровати не подходитъ. Какъ будто между нимъ и Лялей преграда есть какая-то, какъ будто лежитъ на пути что-то, что мѣшаетъ подойти ближе.

— Къ чему идти... сказалъ, вѣдь что вечеромъ будетъ! Укройся, Лялечка!

Мама набрасываетъ на плечико одѣяло, отворачивается еще больше отъ двери.

Стихла. Папа стоитъ. Переступилъ съ ноги на ногу... Какъ будто не знаетъ, говорить-ли еще, остаться-ли здѣсь, или уйти опять въ кабинетъ. И по морщинкѣ на лбу у Ляли видно, что хочется ей сдѣлать что-то, сказать папѣ что-то нужное и ласковое, но не пойметъ, не уловитъ никакъ, что именно... и молчитъ. Папа вздохнулъ, но оборвалъ вздохъ. Опять ласково улыбнулся Лялѣ и медленно вышелъ. Замурлыкалъ что-то, но мотивъ робко и смущенно поколебался и сгасъ... не вышло. Снова шелестятъ листы, но ясно, что папа не читаетъ. Нарочно дѣлаетъ видъ, что занимается, но по самому этому шелесту листовъ, неровному, торопливому, можно понять, что ему не до чтенія.

— Лялечка, усни, дѣтка!

— Не могу, не хочется!.. Тебѣ скучно, мама?!. Я не боюсь одна. Я буду лежать тихо, а... тебѣ вѣдь скучно?.. Поди къ папѣ! Вы давно уже не читали вмѣстѣ!..

Пытливо смотрятъ большіе лучистые глаза, будто хотятъ своимъ блескомъ озарить душу мамы. У мамы брови дрогнули.

— Отчего ты думаешь, что мнѣ скучно?.. Хочешь, я тебѣ разскажу что-нибудь?!

— Хорошо!..—тянетъ Ляля и въ голосѣ ея бьется какая-то непонятная мольба, своя невысказанная думка.

Мама говоритъ медленно, однотонно и руки у нея такія тонкія, бѣлыя и кружево матинэ то поднимается, то опускается на груди.

— Папа!—вдругъ прерываетъ ее Ляля.

— Папочка, иди сюда!.. Тебѣ тамъ скучно одному!

Тоненькая фигурка сѣла въ постели, черные кудри спутались на щекахъ румянецъ.

— Сиди съ нами!.. Вотъ здѣсь, на кровать сядь!..

Мама быстро встала, отошла къ шкафу... бѣлье перебираетъ.

— Ты звала меня дѣтка?

Горячей рукой дотрагивается Ляля до папиной шеи, притягиваетъ его къ себѣ.

— Садись!.. Чего ты тамъ одинъ все?... Па-апочка!..

Глаза у папы голубые, а тоска въ нихъ сейчасъ такая-же, какъ и въ черныхъ глазахъ Ляли. Молча поцѣловалъ ручку.

— Горячая ты какая!..

— Папочка, чего ты такой... не веселый?..

А безпокойный, тоскливый взглядъ впился въ маму... нѣтъ! Лицо у нея суровое, неподвижное. И только нервная, трепетная жилочка на шеѣ знаетъ, что ей хочется плакать.

— Лучше я пойду, дѣтка!.. У меня работа. Я долженъ закончить ее. Закончу, тогда приду, хорошо?!

— Ну, иди!.. задумчиво пытливъ взглядъ Ляли.

— Иди... только кончай скорѣй.

Гаснутъ вечернія сумерки и чернымъ флеромъ обвивается синяя грусть. Мама, какъ бѣлое изваяніе замерла у окна.

Стихъ шелестъ листовъ въ кабинетѣ и тишина говоритъ о томъ, что въ нѣдрахъ ея затаилось нелегкое горе.

— Мамочка, помнишь, какъ лѣтомъ папа тебѣ большую книжку подарилъ.. ты поцѣловала его...

— Ахъ, Ляля, лежи тихо... не говори много!.. А сама головой такъ тряхнула, что шпилька выпала.

— Какая ты сегодня...

— Никакая я сегодня... не хочу я лежать,—морщитъ носъ Ляля и бьетъ кулакомъ въ подушку... сбросила одѣяло.

Умираютъ сумерки. Вечерняя грусть, покорно опустивъ голову, безшумно проходитъ по комнатамъ.

Рядомъ въ кабинетѣ зазвенѣла чернильница. Папа мѣрными, твердыми шагами ступаетъ по ковру. Книга въ рукахъ, но не читаетъ. Ходитъ долго, монотонно звучатъ шаги. Остановился у окна. Стоитъ, какъ будто думаетъ что-то, большое, серьезное и печальное.

Совсѣмъ темно стало. Въ окно спальни смотритъ круглый электрическій фонарь и свѣтъ на полу отъ него какой-то поблекшій, неуловимый.

— Мама!. Ляля завозилась, сѣла. Рука впилась въ бѣлое одѣяло.

— Мама! — Страстной истомой напряженія подернуты опущенныя рѣсницы.

— Тетя Катя къ намъ никогда больше не прійдетъ?..

Мягко стукнула объ полъ книга въ кабинетѣ. Мама молчитъ, молчитъ.. и въ темномъ затихшемъ домѣ хочетъ сорваться чей-то нечеловѣческій крикъ. И вдругъ спокойное:

— Отчего-же, Лялечка? — пріѣдетъ и прійдетъ!

— Она здѣсь, мама! Я когда изъ гимназіи вчера шла, видѣла ее... Ѣхала куда-то!

— Ты ошиблась, Лялечка! А можетъ быть она отложила поѣздку на нѣсколько дней.

Ляля сидитъ смотритъ куда-то далеко, и ротъ у нея полуоткрытъ.

— Ложись, Лялечка.. родная!—дрожитъ голосъ мамы и тонкой ноткой звенитъ въ немъ невыплаканная мука.

Громко хрустнули пальцы въ кабинетѣ. Какъ будто оборвалось что-то, словно позвалъ кто-то беззвучнымъ стономъ далекаго Бога.

— Лягъ-же, дѣтка!..

— Фонарь, фонарь!.. заметалась Лялечка въ постели.

— Свѣтитъ, въ глаза прямо!.. не могу я такъ, не могу!—заплакала она громко, мучительно. И тонкій звукъ плача, слабый съ надрывомъ, побѣжалъ по комнатамъ.

— Дѣточка, что ты... Богъ съ тобой!.. Я свѣтъ сейчасъ зажгу... опущу штору!

Мама здѣсь, суетится около Ляли, а папы нѣтъ. Не подошелъ какъ будто между нимъ и Лялей преграда какая-то. Лихорадочнымъ блескомъ горятъ испуганные черные глаза. Лялечка сжалась въ комочекъ, стихла. Сидитъ мама, тяжело упирается рукой въ постель, изъ подъ сдвинутыхъ бровей смотритъ куда-то тускло и безнадежно.

Еще ниже опустивъ голову подъ чернымъ покрываломъ, жутко-медленными, строгими шагами, безшумно проходитъ по комнатамъ тишина... скорбная, покорная.

Лялечка больна.

Над. Ландская.

СИСТЕМА.

Разсказъ.

Мокрый асфальтъ улицъ отливалъ сѣрымъ шелкомъ. Красные огни электричества отражались въ лужахъ и казались пролитой кровью. Мимо окна ресторана пролетали блестящіе, мокрые автомобили и высокіе экипажи лихачей.

Широкіе ландо обгоняли цѣпи наемныхъ экипажей, мелькали шипящія и юркія мотоциклетки.

Это былъ обычный разъѣздъ послѣ „большого дня" на бѣговомъ ипподромѣ.

Николаевъ взглянулъ на часы и подумалъ: „Восьмой заѣздъ... Значитъ скоро конецъ..." Рѣзкимъ движеніемъ онъ смялъ исчерченную карандашемъ программу бѣговъ и швырнулъ въ сторону. Онъ не замѣтилъ какъ смятый комокъ бумаги ударился о плечо старичка, сидящаго за послѣднимъ столомъ. Старичекъ обернулся и удивленно поднялъ брови. Николаевъ извинился и снова посмотрѣлъ въ окно. Сегодняшній проигрышъ особенно взволновалъ его. Было жаль неожиданно проигранной сторублевки. Какъ всегда послѣ проигрыша, Николаевъ былъ почти боленъ. Какимъ особенно унизительнымъ показалось сегодня томительное ожиданіе трамвая, давка въ вагонѣ и дешевый обѣдъ въ ресторанчикѣ. Онъ оглянулся. Старичекъ, въ кото-

раго случайно попала смятая программа внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза, затѣмъ разгладилъ на колѣнѣ смятую программу и добродушно спросилъ:

— Проигрались?..

Не отвѣтить было неловко.

— Да... Проигралъ..

Старичекъ улыбнулся, чуть-чуть придвинулъ стулъ и укоризненно покачалъ головой.

— А все отъ того что нѣтъ системы... Нѣтъ выдержки...

Николаевъ не выдержалъ...

— Какая же въ бѣгахъ система?..

— Не говорите... Система много значитъ... Система во всемъ—все...—Старичекъ придвинулся ближе.—Система разсчетъ, и предчувствіе...

"Маніакъ"—подумалъ Николаевъ и съ любопытствомъ разсмотрѣлъ старика. Съ перваго взгляда онъ выглядѣлъ обыкновеннымъ отставнымъ чиновникомъ, доживающимъ на покоѣ. Нѣсколько выдѣляли лицо сѣдыя длинныя пряди волосъ и улыбающіеся острые глаза, и еще запомнились Николаеву старинный покрой платья и сюртукъ семидесятыхъ годовъ.

— Вы позволите...—Старикъ присѣлъ къ столу Николаева.—Вотъ я по вашей программѣ видѣлъ, вы рискуете, мѣтите лошадей, играете въ двойномъ, въ тройномъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Здѣсь все проще, значительно проще, какъ и во всѣхъ играхъ.

— Въ чемъ же дѣло?..

— Во времени... Въ разсчетѣ... и математикѣ...

— Какіе же въ бѣгахъ разсчеты?..

— А вотъ какіе.. Пріѣхали вы на бѣга, первый бѣгъ пропустили, второй пропустили и третій если нужно.. А затѣмъ стали соображать.., Если чувствуете что пришло ваше время—ставьте... На первую лошадь, какая въ голову придетъ. Все равно выиграете... Не понимаете...

— Простите меня... Какіе пустяки...

— Нѣтъ не пустяки, а вещь... Я признаться никогда не игралъ и только потому что не склоненъ обогащаться за чужой счетъ... Я много думалъ о, какъ бы выразиться, мѣрахъ пресѣченія азарта. Нужно доказать людямъ, что то, что они называютъ слѣпымъ счастьемъ, подается разсчету... Я даже систему изобрѣлъ... Живу я на Черной рѣчкѣ, сплю мало, поневолѣ придумаешь... Вы адвокатъ должно быть?..

— Да... Помощникъ присяжнаго повѣреннаго...

— Вотъ сидите сейчасъ и думаете... „Заболтался старичекъ, съ ума спятилъ..."

Николаевъ смущенно улыбнулся.

— Такъ о какой системѣ вы говорили?

— О магической математикѣ.. Моя система такая: все въ числахъ и во времени и только имъ опредѣляется счастье... Вы можетъ быть слышали о пророчествѣ Апокалипсиса... Пророчество о Наполеонѣ.. Звѣриное число...

— И вы этому вѣрите?

— Какъ вамъ сказать... „На свѣтѣ другъ Гораціо..." Почему бы и нѣтъ... Я этимъ вопросомъ очень интересовался.. Даже астрологіей занялся на старости лѣтъ... Словомъ, магъ и звѣздочетъ... Вамъ лѣтъ тридцать должно быть?

— Тридцать два.

Когда родились, годъ, мѣсяцъ и число?..

— Въ 1881 году, двадцать третьяго августа..,

— Такъ я если угодно вамъ разсчислю насчетъ бѣговъ... Желаете?..

Николаевъ разсѣянно улыбнулся.

— Благодарю васъ... Къ сожалѣнію я на дняхъ, т. е. вѣрнѣе завтра, уѣзжаю за границу. Не смогу воспользоваться...

— Нѣтъ, отчего же... А далеко изволите ѣхать?

— Въ Генуя,.. Есть экстренное дѣло... Я видите ли юрисконсультъ одной фирмы...

— Въ Генуя... Ну значитъ въ Монте Карло съѣздите, совсѣмъ подъ бокомъ... Такъ вамъ вычислю... Попробуйте...

Старичекъ вынулъ изъ кармана записную книжку въ сафьянѣ. Нѣсколько минутъ онъ исписывалъ страничку ровными коллонами цифръ и буквъ. Николаеву стало скучно, изъ приличія онъ не уходилъ. Наконецъ старикъ оторвался отъ книжки.

— Ну съ,такъ я вамъ расчислилъ насчетъ рулетки... Играйте 24 сентября. Да, 24 сентября въ одинадцать часовъ тридцать семь минутъ вечера.

— Какъ вы сказали 24 сентября..,

Николаевъ улыбаясь записалъ на клочкѣ бумажки день и время...

— Какъ же мнѣ играть?

— Не улыбайтесь... Тутъ дѣло очень простое. Въ назначенный день и часъ придете и поставите. Вамъ будетъ везти ровно двадцать минутъ за это время вы успѣете взять тысячи. Когда истечетъ срокъ прекратите игру. Попробуйте молодой человѣкъ, не все же вамъ проигрывать. И счастье подается учету... Ну-съ, счастливаго пути, я и адресокъ вамъ оставлю. Черкните пару словъ, въ случаѣ чего.

Старикъ улыбнулся, взялъ шляпу со стула и отошелъ. Въ ресторанѣ заиграла музыка. Мимо окна прошелъ странный старикъ и точно слился съ дождемъ и улицей. Николаевъ расплатился и вышелъ въ вестибюль, У выходныхъ дверей онъ разсѣянно спросилъ швейцара:

— Сегодня, семнадцатое?...

— Точнэ такъ.

— Однако... у меня немного времени...

— Чего-съ?..

— Ничего... Это я такъ.

На слѣдующій день Николаевъ уѣзжалъ за границу. Весь день онъ ѣздилъ по городу устраивая необходимыя формальности въ банкѣ и градоначальствѣ. На вокзалѣ онъ сразу почувствовалъ облегченіе и какую то странную радость. По самому строгому разсчету онъ долженъ былъ пріѣхать въ Генуя двадцать второго утромъ.

Онъ ѣхалъ сокращеннымъ путемъ черезъ Вѣну и Миланъ: Ни обоятельная Вѣна, ни пестрый, ликующій Миланъ не могли задержать его лихорадочнаго бѣга по Европѣ. Въ Вѣнѣ его ожидала телеграмма отъ патрона. Его торопили и передавали послѣднія инструкціи. Николаевъ въ первый разъ уѣзжалъ изъ Россіи. Все что онъ мелькомъ видѣлъ изъ окна вагона казалось ему такимъ прекраснымъ, удобнымъ и пріятнымъ. Въ Вѣнѣ онъ останавливался только на два часа. Минутами его охватывало желаніе бросить на произволъ судьбы всѣ дѣла, забыть всѣ инструкціи и остаться въ этомъ городѣ надолго. Съ самаго дѣтства его пріучили къ отвратительной погонѣ за деньгами, за жалкими деньгами, которые ему бросали за услуги и теперь именно теперь онъ испытывалъ настоящую тоску по

А. Барковъ.

большимъ настоящимъ деньгамъ и главное по той жизни, какую они могли ему создать.

Въ Миланѣ и Генуѣ онъ замѣтилъ быструю чуждую слуху рѣчь и какую - то особенную глубокую синеву неба.

И тамъ еще ярче, еще яснѣе рисовалась ему мечта о новой прекрасной и невозможной жизни. Въ узкомъ номерѣ отеля, въ пріемныхъ пароходныхъ конторъ онъ не переставалъ мечтать о какомъ нибудь чудѣ, маленькомъ чудѣ возможномъ и въ наши дни.

Случилось такъ, что въ первый-же день онъ закончилъ всѣ свои дѣла. У него оставалось много свободнаго времени. Вечеромъ его остановилъ консьержъ въ бюро вестюбиля.

— Monsieurs не хочетъ-ли проѣхаться по Ривьерѣ... У насъ пароходные билеты до Монте-Карло и съ большой скидкой...

— А много это стоитъ?..

— Сію минуту.

Николаевъ на мгновенье задумался. Потомъ онъ устыдился своей мѣщанской разсчетливости. Онъ былъ такъ близко отъ прекрасной страны отъ „cofe d'azur" о которомъ онъ могъ только мечтать долгіе годы. Колебаться и разсчитывать онъ больше не могъ...

Пароходъ быстро скользилъ мимо красноватаго берега итальянской Ривьеры. Методично, съ какимъ-то гулкимъ стекляннымъ звономъ разбивались подъ винтомъ голубые струи. Отдаленнный берегъ причудливо мѣнялъ очертанія. Яркая лазурь медленно мѣняла оттѣнки. море и небо заалѣли какъ на закатѣ.

Близился мистраль... Николаевъ неподвижно стоялъ у борта парохода и не отрывался отъ стеколъ бинокля. Онъ почти различалъ блестящіе листья магнолій на берегу и на пестрый стиль бѣлѣющихъ виллъ.

Его тронули за плечо.

— Вашъ билетъ monsieur...

Это былъ помощникъ капитана. Николаевъ отдалъ билетъ и снова прильнулъ къ стекламъ бинокля,

— Pardonne monsieur! Вы кажется потеряли...

Матросъ подавалъ ему смятый клочекъ бумажки выпавшій изъ бумажника Николаева. Медленно, не отводя отъ линій берега Николаевъ развернулъ бумажку.

— 24 сентября 11 часовъ 37 минутъ вечера... Новая деревня—Виталій Андреевичъ..."

И сразу вспомнился ему странный старикъ и его предсказаніе.

„Какъ все это странно... Сегодня срокъ назначенный старикомъ, сегодня-же я ѣду въ Монте-Карло, и какъ странно именно сегодня я нахожу бумажку о которой давно забылъ... Можетъ быть судьба..."

Въ Монте-Карло Николаевъ остановился въ одномъ изъ небольшихъ отелей у казино. Можетъ быть въ другое время онъ любовался-бы синей ширью залива, яркимъ солнечнымъ берегомъ и прекрасными грѣшными женщинами, но теперь онъ чувствовалъ странный, властный гипнозъ,—гипнозъ золота.

Понемногу „система" страннаго старика завладѣла его мыслями. Онъ разсѣянно бродилъ по громаднылъ заламъ океанографическаго музея, по бѣлымъ залитымъ солнцемъ улицамъ, по широкимъ ступенямъ лѣстницы у казино.

Гдѣ-бы онъ не былъ онъ неуклонно возвращался къ этому громадному дворцу.

Было жарко, но уже чувствовалась прохлада, наступающаго вечера. Когда стемнѣло онъ почти спокойный, и слегка разсѣянный прошелъ мимо яркоосвѣщенныхъ магазиновъ, мимо пальмъ и магнолій парка въ казино. Теплая, ласковая ночь опьяняла его, на мигъ ему захотѣлось проѣхать въ темное мерцающее цвѣтными огоньками море.

Время проходило медленно, медленно. Блестящая, пестрая толпа интернаціональнаго курорта ослѣпила его. Румынскій оркестръ въ ресторанѣ съ какимъ-то особеннымъ шикомъ обрывалъ заунывные мотивы и переходилъ къ буйному восточному танцу...

Пробило одинадцать. Кончилась программа концерта... Быстро, почти не замедляя шага онъ прошелъ по величественнымъ, сверкающимъ заламъ въ залу рулетки.

Это была большая продолговатая зала, нѣсколько мрачная, освѣщенная зеленоватымъ, не электрическимъ свѣтомъ. Изящно грасирующіе крупье выкрикивали.

Николаевъ протиснулся черезъ три ряда игроковъ. Ихъ лицъ онъ не видѣлъ. Онъ впервые увидѣлъ много золота, билеты и чеки. И все это можетъ быть будетъ ему принадлежать... Онъ даже улыбнулся и совсѣмъ спокойно доставалъ изъ бумажника стофранковый билетъ. Это была сумма, которую онъ разрѣшилъ себѣ проиграть. Николаевъ слѣдилъ за часовой стрѣлкой. Въ 11 часовъ тридцать восемь минутъ онъ разсѣянно бросилъ сто франковъ на ближайшій номеръ, даже не успѣвъ разсмотрѣть его. Крупье тронулъ гибкой, длинной лопаткой его билетъ.

— Faites vos jeux monsieur Rien ne va plus!

— Le seize... Шестнадцать!

Николаевъ криво улыбнулся, съ чувствомъ острой злобы онъ хотѣлъ прослѣдить какъ его билетъ смететъ въ общую лопатка Крупье. Но лопатка коснулась его денегъ, придавила бумажку и Николаевъ ясно разглядѣлъ цыфру „16" въ его клѣткѣ. Съ середины стола быстро взлетѣла пачка кредитныхъ билетовъ и упала поверхъ его денегъ. Гибкая лопатка придвинула ему увеличенную въ 36 разъ ставку. Какимъ то увѣреннымъ жестомъ Николаевъ поставилъ весь выигрышъ на комбинацію изъ четырехъ номеровъ и увеличилъ его въ девять разъ. Къ двѣнадцати часамъ онъ отошелъ отъ стола, ни разу не проигравъ. На него смотрѣли съ любопытствомъ, кокотки провожали его ласковыми взглядами.

Онъ выигралъ въ двадцать минутъ сто тысячъ франковъ.

Въ эту же ночь онъ телеграфировалъ старику въ Петербургъ:

„Умоляю вычислите ближайшій срокъ выигрыша, согласенъ на все".

Одновремено съ телеграммой онъ писалъ:

„Умоляю васъ... Я бѣдный студентъ.. Я вѣчный труженикъ... Теперь я адвокатъ, но мнѣ не повезло въ моей карьерѣ. Я тоже имѣю право на счастье и богатство. Все въ вашихъ рукахъ. Помогите мнѣ... У меня мать и сестры. Я хотѣлъ бы сыграть еще разъ.. Умоляю васъ".

На другой день къ вечеру онъ получилъ телеграмму:

„Поздравляю 27-го 12 часовъ 10 минутъ ночи. Играйте 30 минутъ".

Какъ прошли эти два дня онъ не запомнилъ. Николаевъ почти галюцинировалъ. Онъ избѣгалъ встрѣчъ и вечерами оставался одинъ въ неуютной комнатѣ отеля. Въ эти вечера, онъ ясно видѣлъ близко возлѣ себя аккуратно свернутыя пачки кредитныхъ бумажекъ. Тускло мерцали въ темнотѣ желтые столбики золотыхъ монетъ. Иногда онъ чувствовалъ между пальцами шуршащіе большіе листы облигацій, видѣлъ всѣ краски которыми они отливали. И когда пришелъ предреченный день, онъ взялъ съ собой весь выигрышъ тѣ небольшіе деньги которые онъ привезъ съ собой и въ назначенное время снова былъ въ залѣ рулетки. Это былъ безпримѣрный случай, счастье не покидало его, онъ выигралъ до полумилліона франковъ. Только одинъ разъ счастье измѣнило ему, но это было тогда, когда истекло время назначенное старикомъ. О немъ уже говорили въ казино и на пляжѣ. Въ отелѣ портье низко кланялся ему, а въ банкѣ съ нимъ были особенно любезны клерки. Онъ послалъ новую телеграмму старику и просилъ о новомъ срокѣ. Его дразнили и увлекали милліоны.

Вмѣстѣ съ телеграммой назначавшей срокъ 31 сентября онъ получилъ письмо.

Это былъ отвѣтъ на первое письмо:

„Думайте о моей системѣ какъ вамъ угодно. Когда нибудь она уничтожитъ всѣ азартныя игры. Мнѣ долго вамъ объяснять. Это требуетъ спеціальныхъ знаній. Конечно это не случайность. Вхожу съ вами въ долю и собираюсь перевести вамъ десять тысячъ рублей".

Въ банкѣ его ждалъ переводъ на двадцать шесть тысячъ франковъ.

Въ назначенный день и часъ онъ стоялъ у стола. Это былъ его послѣдній опытъ. Сегодня кончалась его бѣшеная игра.

Онъ досталъ чековую книжку. Въ ней было четыре заранѣе написанныхъ листика и они заключали въ себѣ все его богатство. Онъ не задумываясь надъ тѣмъ какъ ему играть

Рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ первый листикъ изъ книжки и бросилъ его на первый попавшійся номеръ... Кажется это было „двадцать семь". Крупье придвинулъ къ себѣ чекъ, разсмотрѣлъ его и шопотомъ спросилъ:

— Maximum? Кое кто оглянулся и посмотрѣлъ въ сторону Николаева.

Тотъ кивнулъ головой.

— Faites vos jeux monsieurs. La balle roule... Rien ne va plus...

Жуткая, медлительная пауза. Шарикъ разсѣянно бродитъ по чернымъ гнѣздамъ съ номерами... И вдругъ точно оглушило нелѣпое, неожиданное число.

— Четырнадцать, съ особеннымъ шикомъ выкрикнулъ крупье... и длинная гибкая лопаточка смахнула чекъ Николаева.

Николаевъ почувствовалъ какъ все поплыло у него передъ глазами.

Какъ то машинально онъ вырвалъ изъ книжки второй чекъ и бросилъ его на тотъ же номеръ. Крупье снова придвинулъ къ себѣ чекъ.

— Максимумъ?.. рулетка завертѣлась.

— Faites vos jeux monsieurs... Rien ne va plus...

Le quatre...

Было пять минутъ двѣнадцатаго. И снова такъ же автоматически Николаевъ вырвалъ изъ книжки третій чекъ и бросилъ его на тринадцатый номеръ Вышло двадцать семь. И когда Ни-

колаевъ взялся за послѣдній чекъ онъ услышалъ сдавленный шопотъ: „Вамъ не везетъ... Играйте на passe и manque. Онъ поставилъ на черное, въ послѣдній разъ проигралъ и вышелъ изъ залы рулетки. Въ вестибюлѣ онъ лишился чувствъ....

. . . .

На другой день администрація рулетки любезно выдала проигравшемуся кліенту пятьсотъ франковъ „на отъѣздъ". Два агента посадили его въ вагонъ. Онъ производилъ впечатлѣніе тяжко больного, но вполнѣ нормальнаго человѣка... Черезъ пять дней онъ уже лежалъ въ своей „комнатѣ отъ жильцовъ" и неподвижнымъ остановившимся взглядомъ смотрѣлъ въ окно, на тонувшую въ туманѣ улицу...

И точно, какъ тогда, вдругъ рѣзко затрещалъ звонокъ телефона. Сначала это показалось галюцинацией. Только послѣ третьяго рѣзкаго звонка онъ снялъ трубку съ рычага аппарата.

— Господинъ Николаевъ пріѣхалъ...

— Да, кто говоритъ...

— А это вы... Ну, здравствуйте милліонеръ... Недаромъ вы такъ запоздали. Я, правду сказать, не вѣрилъ въ вашъ скорый пріѣздъ...

— А... Это вы...

— Да, я... Виталій Андреевичъ... Ну, какова система... Почему вы такъ запоздали съ пріѣздомъ...

— Я пріѣхалъ вчера...

— Пріѣзжайте ко мнѣ сейчасъ, немедленно ..

Николаевъ безсильно опустился въ кресло. Полчаса онъ неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ въ окно и когда въ передней прозвенѣлъ звонокъ, онъ нѣсколько оживился, приподнялся и всталъ...

— А... Это вы?..

— Ну что? Ну какъ?...

— Я... Я проигралъ все.

— Не можетъ быть... А ваши телеграммы?..

— Въ первые два... два раза я выигралъ... полмилліона... франковъ. Потомъ въ послѣдній разъ тридцать перваго все... все погибло... Шесть дней назадъ у меня было полмилліона...

— Какъ шесть дней назадъ?.. Вы должны были играть только черезъ недѣлю. Вы ошиблись на 13 дней... Вы забыли разницу въ стиляхъ...

Николаевъ шагнулъ впередъ и сквозь зубы прошепталъ...

— Эхъ вы... А еще математикъ... И я вамъ повѣрилъ... Но почему же, почему же я выигралъ въ первые два раза... Случайность?..

— Увѣряю васъ, вы ошиблись въ стиляхъ..

— Молчите вы! старый кретинъ!.. Я не ручаюсь за себя!..

Старикъ пятясь вышелъ изъ комнаты. Николаевъ схватилъ со стола чернильницу разбилъ о полъ и долго топталъ ногами стекло.

Л. Никулинъ.

БЕЛАЯ ТАЙНА.

Пять лѣтъ, неизвѣстно гдѣ, пропадалъ сынъ домовладѣлицы въ Кусковомъ переулкѣ, Анны Павловны Анисовой, Григорій. И всѣ эти пять лѣтъ старушка ни разу не ложилась спать, не помолившись сперва за безпутнаго и несчастнаго Гришеньку.

Безпутность же его заключалась въ томъ, что, не смотря на увѣщанія матери, молодой человѣкъ отправился въ далекую Москву, чтобы учиться рисованію и осуществить неясные, но красивые и экзальтированные планы дѣтства. Поѣхалъ и пропалъ. И не писалъ писемъ, словно совсѣмъ забылъ о томъ, что гнѣвъ матери, такъ возмутившій его при разлукѣ, давно остылъ, что она какъ всякая другая мать, полна раскаянья, любви и боязни за сына.

Годы шли. Зима смѣняла лѣто, лѣто—зиму. Въ однообразномъ хороводѣ дней, быстрой смѣнѣ незначительныхъ событій будничной жизни, изрѣдка взору старушки являлся неясный образъ сына и снова исчезалъ. Но оставалась тоска, незамѣтная и глубокая драма, стараго, забытаго, угасающаго человѣка. Домъ былъ деревянный, двухъэтажный и комнатъ въ немъ было всего четыре или пять. Анисова занимала верхъ, а внизу жила единственная прислуга ея, такая же старушка какъ и она,—Даша съ сыномъ Николаемъ, мастеромъ на стеклянномъ заводѣ купца Кошкина. И Даша и Николай—оба съ собачьей преданностью служили ей и вмѣстѣ съ нею тосковали по Гришѣ и мечтали о его возвращеніи. Ихъ любовь и преданность обезпечивали жизнь Анисовой, окружая ее комфортомъ и необходимымъ спокойствіемъ. Переулокъ славился драками, неспокойнымъ характеромъ своихъ обитателей, жизнь которыхъ проходила въ попойкахъ, и часто завершалась трагическимъ концомъ. Поэтому присутствіе въ домѣ сильнаго и честнаго человѣка, какъ Николай, было необходимо.

Къ вечеру того дня пошелъ снѣгъ. Онъ падалъ большими хлопьями на землю, и скоро все стало бѣло: и дальній лѣсъ (переулокъ былъ на окраинѣ) и крыши домовъ, и улицы, и прохожіе. Потомъ подулъ вѣтеръ и хлопья снѣга заметались въ бѣломъ хаосѣ, сплетаясь въ неясныя фигуры, жуткія и таинственныя. Вѣтеръ все усиливался, иногда стихая на мгновенье, чтобы снова съ воемъ и визгомъ ринуться на ветхій домъ и бросить въ окна его тучи снѣга. И когда онъ обрушивался на домъ, какія-то бѣлыя существа въ длинныхъ саванахъ жадно прильнувъ къ окну, смотрѣли въ него и быстро исчезали въ бѣломъ мракѣ зимняго вечера.

— Вьюга-то какая, — подѣлилась впечатлѣніемъ Даша, поднявшись наверхъ въ горницу Анны Павловны, гдѣ та въ глубокой задумчивости сидѣла передъ стаканомъ остывшаго чаю,— просто страхъ.

— Да... разбушевалась...—разсѣянно отвѣтила старушка.

— А вотъ Николая чтой-то нѣтъ—продолжала Даша,—что бы могло случиться?

— Должно быть работу спѣшную дѣлаетъ.

— И то вѣрно. Дай Богъ, чтобъ ничего плохого не приключилось.

Послѣ ухода Даши въ комнату вошла тишина, близкая одинокому сердцу старушки, и заговорила съ нею своимъ особеннымъ голосомъ, слышнымъ не ушамъ, а душѣ.

И то, что сказала тишина, было просто и понятно. Она сказала: приготовься. И больше ничего.

Анна Павловна собиралась уже лечь спать, когда внизу послышались голоса: одинъ Николая и второй, странно близкій и знакомый, но чей, сразу припомнить не могла. И вдругъ блеснула прекрасная, несбыточная, казалось, надежда, заставившая затрепетать ее всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣть какъ мѣлъ: онъ.

Она продолжала сидѣть на своемъ стулѣ за столомъ, окаменѣвъ въ ожиданіи, и смотрѣла на дверь. И дверь внезапно открылась.

— Матушка, тихо сказалъ стоявшій на порогѣ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было молчаніе: скупыми, но искренними слезами старости въ объятіяхъ сына плакала мать. Но то были слезы радости.

— Какая же ты старенькая, мать,—полуиронически — полудобродушно промолвилъ сынъ, внимательно всматриваясь въ лицо старушки, уже суетившейся съ Дашей у стола, на которомъ появились закуски и графинъ вишневой настойки,—и Даша тоже...

Потомъ онъ перевелъ взглядъ на обстановку и съ чувствомъ странной, щемящей грусти убѣдился, что все по старому: тотъ-же клеенчатый диванъ у стѣны, круглый столъ передъ нимъ, а по бокамъ два кресла, и по стѣнамъ все тѣ же старинныя, пожелтѣвшія фотографіи и олеографіи съ напудренными маркизами и пажами.

— Закуси, Гришенька, съ дороги, должно быть сильно проголодался,—сказала мать.

— Съ удовольствіемъ, матушка,—аппетитъ у меня колоссальный.

Въ то время, какъ онъ утолялъ голодъ, мать сидѣла напротивъ и съ нѣжной заботливостью изучая черты дорогого лица, думала:

— А вѣдь какъ измѣнился: лицо худое, блѣдное, морщина на лбу...

Григорій почувствовалъ взглядъ ея и съ легкой досадой сказалъ:

— Знаю, какія мысли у тебя, мать,—вѣрно думаешь о томъ, что жизнь меня порядкомъ таки потрепала? Совершенно правильно. Не только трепала, но просто била. И жестоко била. Впрочемъ не стоитъ объ этомъ упоминать. Говоря это, онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его накипала злость, и тупое упрямое отчаяніе. Мысль о томъ, что онъ пріѣхалъ къ матери по дѣлу, непріятному и серьезному, о которомъ надо было немедленно послѣ ужина поговорить, дѣлалала его нерѣшительнымъ и поселяла въ немъ смутную тревогу. А хуже всего было то, что онъ пріѣхалъ жалкимъ неудачникомъ, не осуществивъ ни одного изъ своихъ блестящихъ плановъ.

— Ты теперь у меня поживи, говорила мать,—усталъ должо быть, отдыхъ нуженъ, а черезъ мѣсяцъ или два, когда захочешь, ѣзжай куда надо... А можетъ быть и совсѣмъ останешься. Вотъ Анна Павловна, знаешь, красивая такая, все спрашиваетъ, когда пріѣдешь—влюблена была должно быть. Отчего бы тебѣ не жениться на ней?

— Нельзя, мама.

— Отчего же нельзя? Дѣвушка богатая, красивая...

— Ты сейчасъ поймешь. Я пріѣхалъ къ тебѣ не надолго... на нѣсколько часовъ... Я ѣду заграницу... И если я останусь здѣсь хотя одинъ день, то попаду въ тюрьму.

Нѣсколько минутъ было молчанье.

— Что-же этакое, жалобнымъ голосомъ произнесла мать: только появился и уже опять... опять уѣзжаешь... За что же тебя, Гришенька?

— Не стоитъ разсказывать, мать, — много времени предется потратить. Я перейду лучше къ дѣлу. Мнѣ нужны деньги, мать, — послѣднія слова Григорій выговорилъ съ большимъ усиліемъ, и на лбу его выступилъ потъ.

Непріятно ему было говорить о деньгахъ, да что подѣлаешь, когда другого исхода не было.

Анна Павловна подошла къ комоду, порылась въ верхнемъ ящикѣ и, вытащивъ оттуда нѣсколько кредитныхъ билетовъ дрожащей рукой протянула ихъ сыну:

— Всего триста пятьдесятъ, Гришенька, Достаточно-ли? Вотъ еслибы до завтра остался, взяла бы въ банкѣ... больше.

— Спасибо и на этомъ. А ждать мнѣ нельзя.

И опять стало тихо. И не хотѣлось говорить. Слова звучали бы лживо, тамъ гдѣ чувство говорило все. Какія то существа въ бѣлыхъ саванахъ толпами подлетали къ окну, смотрѣли въ него и безшумно улетала снова въ бѣлый мракъ зимняго вечера, чтобы пошептаться о видѣнномъ.

Были бѣлы крыши домовъ, улицы и дальній лѣсъ.

— Пора,—сказалъ, взглянувъ на часы, Григорій:—въ 10 ч. 23. м. идетъ поѣздъ...

— Уже? — прошептала Анна Павловна и, заискивающе заглядывая въ глаза сыну, попросила:

— Останься хоть полчаса... Даша яичницу приготовитъ...

— Нельзя, мать, — слезы подступили къ его глазамъ, и на мгновенье все покрылось туманомъ.—Прощай... можетъ быть, когда нибудь... пріѣду.

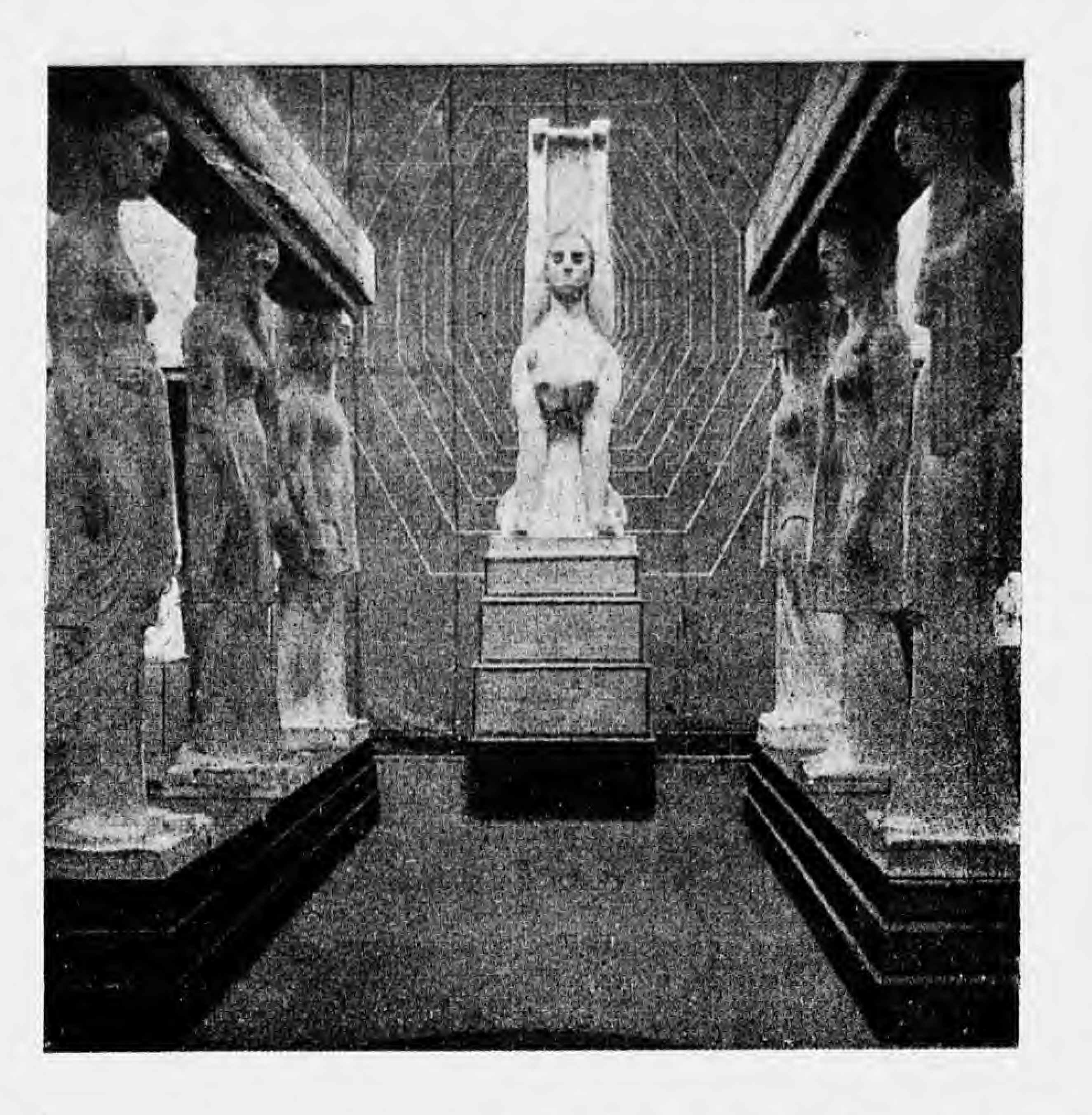
Онъ обнялъ мать, потомъ бережно усадилъ ее, плакавшую, на стулъ и пошелъ къ двери. На порогѣ оглянулся, постоялъ нѣсколько мгновеній, и вышелъ, тихо затворивъ дверь.

Подъ ногами тонко поскрипывали деревянныя ступени. И когда какая нибудь ступенька издавала особенно рѣзкій скрипъ, она останавливалась и прислушивалась: откуда то изъ темноты доносилось ровное дыханіе спящаго человѣка. Все было тихо. Ничто не внушало опасенія. Мѣрно тикали часы. Гдѣ-то дѣловито попискивали мыши, радуясь тишинѣ и ночному мраку. Очутившись на улицѣ, она пошла туда, гдѣ смутной громадой намѣчался обѣленный снѣгомъ лѣсъ. И шла до тѣхъ поръ, пока послѣднія строенія не оказались позади. Ноги вязли въ сугробахъ. Бѣлыми хлопьями падалъ снѣгъ и крутился въ круговоротѣ воздушныхъ теченій, слѣпя глаза. Силы покидали ее.

Еще нѣсколько шаговъ и она упадетъ. И вотъ упала. Тамъ гдѣ спалъ послѣднимъ сномъ человѣкъ, легла ровная снѣжная пелена. И поле, и лѣсъ, и крыши дальнихъ домовъ—были бѣлы. И бѣлая тайна скорбно поникнувъ головой, неслышно пролетала надъ сугробами.—

Валентинъ Франчичъ

АНКЕТА.

Занимаясь исторіей искусствъ прошлыхъ вѣковъ, мы наткнулись на интересно составленную біографію одного великаго художника, котораго мы назовемъ N. Біографія написана однимъ изъ лучшихъ критиковъ и составлена вполнѣ обстоятельно, а главное безпристрастно. Но біографъ не могъ рѣшить вопроса о происхожденіи, вѣрнѣе о національности, къ которой принадлежалъ этотъ художникъ.

За рѣшеніемъ этой загадки мы и обращаемся къ читателямъ нашего журнала, на основаніи этой біографіи, которую мы здѣсь и перепечатали почти дословно выпустивъ имена собственныя и названія его произведеній дабы не вліять этимъ на рѣшеніе читателя.

Отвѣты просимъ прислать въ Редакцію.

Жизнь N, какъ и его живопись, полна полутѣней и темныхъ угловъ. Его соперникъ К. всегда выказываетъ себя такимъ, какимъ онъ былъ, въ полномъ свѣтѣ своихъ произведеній, своей общественной и частной жизни—отчетливымъ, яркимъ и переливающимся искрами ума, хорошаго настроенія, надменной граціи и величія. Наоборотъ N таится и какъ будто всегда что то прячетъ, написанное или пережитое, У него нѣтъ ни дворца съ многочисленнымъ штатомъ вельможъ, ни размаха жизни и галлерей въ итальянскомъ вкусѣ, а есть невзрачная обстановка, запущенный домъ мелкаго купца съ безпорядкомъ коллекціонера, букиниста, любителя эстамповъ и рѣдкостей. Никакихъ общественныхъ занятій, отвлекающихъ отъ мастерской, и заставляющихъ интересоваться политикой, никакой надежды на милости, которыя заставили бы его привязаться къ какому нибудь государю. Никакихъ оффиціальныхъ почестей, ни орденовъ, ни титуловъ, ничего, что связывало бы его, хотя бы издали, съ какими нибудь событіями или дѣятелями, спасающими отъ забвенія. Исторія, говоря о нихъ, упомянула бы и его. N принадлежалъ къ третьему сословію, и то съ натяжкой, какъ сказали бы во Франціи 1789,—къ тѣмъ массамъ, гдѣ личности теряются, нравы низменны, обычаи безъ благородства, способнаго ихъ поднять. И даже въ этой странѣ, гдѣ какъ будто существуетъ равенство сословій и отсутствуютъ дворянскіе предразсудки, своеобразный геній N не спасъ его, а ничтожное соціальное положеніе удерживало внизу, въ темныхъ слояхъ, и тамъ его и потопило.

Очень долго о немъ не было ничего извѣстно, кромѣ свидѣтельства его учениковъ, тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которые писали. Все сводилось къ нѣсколькимъ легендамъ ихъ мастерскихъ, къ спорнымъ извѣстіямъ, легкомысленнымъ сужденіямъ, сплетнямъ. Въ личности его ничего не было видно, кромѣ странностей, маній, нѣсколькихъ чертъ пошлости, недостатковъ, почти пороковъ. Утверждали, что онъ корыстолюбивъ, жаденъ, даже скупъ, съ душою торгаша. Съ другой стороны, говорили, что онъ былъ расточителенъ и безпорядоченъ въ расходахъ, ссылаясь на его разореніе. У него было много учениковъ, онъ ихъ разсаживалъ по келіямъ, въ комнатахъ съ перегородками, слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ между ними не было никакихъ сношеній и взаимныхъ вліяній. Изъ этого кропотливаго обученія онъ извлекалъ большой доходъ. Приводятъ нѣсколько отрывковъ устныхъ уроковъ, сохранившихся въ преданіи: это изреченія простого здраваго смысла, не имѣющіе значенія. Онъ не былъ въ Италіи и не совѣтовалъ туда ѣздить. Впослѣдствіи для его учениковъ, сдѣлавшихся докторами эстетики, это стало предлогомъ для обвиненій и сожалѣній о томъ, что ихъ учитель не соединялъ этого необходимаго культурнаго опыта со своимъ здравымъ ученіемъ и оригинальнымъ талантомъ. За нимъ знали странные вкусы—любовь къ старому тряпью, къ восточнымъ лохмотьямъ, къ шпагамъ, къ шлемамъ, къ азіатскимъ коврамъ. Не представляя себѣ въ точности состава его артистической обстановки и всѣхъ полезныхъ и поучительныхъ рѣдкостей, заполнявшихъ его домъ, въ нихъ видѣли лишь хаосъ разнородныхъ предметовъ, наборы оружія дикарей, чучела, сушеныя травы. Все это пахло лавкой старьевщика, лабораторіей, немного чернокнижіемъ и кабалой, при чемъ рухлядь, вмѣстѣ съ предполагаемой страстью къ деньгамъ, придавала фигурѣ задумчиваго и нелюбезнаго, неутомимаго работника какой-то странный и немного постыдный видъ алхимика-золотоискателя.

У него была страсть позировать передъ зеркаломъ и писать самого себя, не такъ, какъ это дѣлали другіе въ героическихъ картинахъ, въ образѣ рыцаря, военнаго героя, въ толпѣ эпическихъ фигуръ, а наединѣ, въ маленькой рамѣ, глаза въ глаза, ради одного какого-нибудь ускользающаго отсвѣта или изысканной полутѣни, играющихъ на округлыхъ поверхностяхъ его толстаго лица, налившагося и мясистаго. Онъ задиралъ усы, взъерошивалъ и раздувалъ вьющіеся волосы Онъ улыбался толстой и полнокровной губой, а маленькій глазъ, потонувшій подъ тяжелыми выступами лба, устремлялъ странный взглядъ, огненный и неподвижный, дерзкій и самодовольный. Это не глазъ перваго встрѣчнаго. Его маска состояла изъ опредѣленныхъ плоскостей: ротъ былъ выразительный, подбородокъ—волевой. Между бровями трудъ провелъ двѣ вертикальныя борозды, два вздутія, складку отъ привычки

сдвигать брови, свойственной человѣку, который сосредоточивается, преломляетъ ощущенія и дѣлаетъ усилія повернуть ихъ внутрь себя. Онъ наряжался и переодѣвался, какъ актеръ. Онъ бралъ въ своемъ гардеробѣ все, что нужно было, чтобы облачиться, разукраситься, убрать голову. Надѣвалъ тюрбаны, бархатные тоги, войлочныя шляпы, плащи, иногда кирасы. На шляпу онъ нацѣплялъ драгоцѣнныя украшенія, на шею золотую цѣпь съ каменьями. И тотъ, кто не былъ посвященъ въ тайны его исканій, могъ подумать, что это послабленія живописца модели были слабостями человѣка, которымъ уступалъ артистъ. Позже, послѣ лѣтъ зрѣлости, въ тяжелые дни мы видимъ его въ болѣе серьезныхъ, скромныхъ, правдивыхъ одеждахъ, безъ золота, безъ бархата, въ темной курткѣ, съ платкомъ, повязаннымъ вокругъ головы. съ грустнымъ морщинистымъ, изможденнымъ лицомъ, съ палитрой въ грубыхъ рукахъ. Этотъ видъ разочарованнаго былъ новымъ обличьемъ, какое онъ принялъ, перешагнувъ за пятьдесятъ лѣтъ. Но оно лишь осложнило правдивое представленіе, какое мы хотѣли бы себѣ о немъ составить.

Все это въ общемъ не образуетъ очень стройнаго цѣлаго, не согласуется, не сходится со смысломъ его твореній, съ высокимъ полетомъ его концепцій, съ глубокой серьезностью его обычныхъ стремленій. Отдѣльныя черты этого невыясненнаго характера, его почти неизвѣстныхъ привычекъ съ непріятной рѣзкостью выдѣлялись на фонѣ неопредѣленнаго, подернутаго загадками, біографически не очерченнаго существованія.

Съ тѣхъ поръ свѣтъ пролился приблизительно на всѣ сомнительныя части этой темной картины. Исторія N. была написана и, притомъ, превосходно многими авторами по источникамъ. Благодаря трудамъ одного изъ самыхъ ревностныхъ его поклонниковъ, мы теперь знаемъ о N. если не все, что было бы важно знать, то, по крайней мѣрѣ, все, что, повидимому, когда либо удастся узнать. И этого довольно, чтобы любить, жалѣть, уважать, и, кажется, понимать его.

Съ внѣшней стороны это былъ хорошій человѣкъ, любившій свой домъ и домашнюю жизнь, свое мѣсто у очага. привязанный къ семьѣ, супругъ гораздо больше, чѣмъ распутникъ, моногамистъ, не выносившій ни безбрачія. ни вдовства, но котораго не вполнѣ объясненныя обстоятельства побудили жениться нѣсколько разъ. Разумѣется домосѣдъ. Это былъ человѣкъ мало экономный, никогда не умѣвшій держать свои счета въ порядкѣ. Онъ не былъ скупъ, такъ какъ разорился. Если же онъ мало истратилъ денегъ на свое благоденствіе, то, повидимому, расточалъ ихъ, чтобы, удовлетворить склонность своего ума къ любопытству. Онъ былъ неуживчивъ и, невѣроятно, мнителенъ, любилъ одиночество и былъ, въ своемъ скромномъ положеніи, во всемъ очень страннымъ человѣкомъ. Онъ не окружалъ себя роскошью, но обладалъ какъ бы скрытымъ богатствомъ, сокровищами въ видѣ художественныхъ цѣнностей. принесшихъ ему много радостей. Онъ потерялъ ихъ въ полномъ крушеніи своего благосостоянія. Въ поистинѣ зловѣщій день эти сокровища были распроданы за безцѣнокъ съ аукціона. Въ его обстановкѣ не все было рухлядью: это видно изъ инвентаря, составленнаго при распродажѣ. Были мраморы, итальянскія и голландскія картины, много его собственныхъ произведеній. Особенно же много было гравюръ, въ томъ числѣ и рѣдчайшія, которыя онъ вымѣнивалъ на гравюры своей работы или покупалъ по очень высокой цѣнѣ. Всѣми этими красивыми, любовно собранными, избранными вещами онъ дорожилъ. Онъ былъ къ нимъ привязанъ, какъ къ товарищамъ его одиночества, свидѣтелямъ его труда, къ повѣреннымъ его мысли и вдохновителямъ его. Онъ накоплялъ ихъ, какъ настоящій любитель, dilettante, какъ знатокъ, какъ утонченный цѣнитель въ области интеллектульныхъ наслажденій. Это и была, вѣроятно, необычная форма его скупости, не понятой въ ея внутреннемъ смыслѣ. Что же касается его долговъ, то они у него были даже тогда, когда въ сохранившейся до насъ перепискѣ онъ называлъ себя богатымъ. Онъ былъ довольно гордъ и подписывалъ векселя съ непринужденностью, не зная цѣны деньгамъ и не подсчитывая точно ни того, что у него есть, ни того, что онъ долженъ.

У него была прелестная жена, которая, какъ лучъ, озаряла эту вѣчную свѣтотѣнь. Въ теченіе нѣсколькихъ. слишкомъ краткихъ, лѣтъ она вносила въ его жизнь, если не изысканность и не дѣйствительныя блага, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую большую яркость. Его печальному дому, его угрюмому труду, всегда уходившему вглубь, недоставало общительности, влюбленной молодости, женской граціи, нѣжности. Принесла ли ему все это жена? Это не очень замѣтно. Говорятъ, онъ былъ влюбленъ въ нее. Онъ часто ее писалъ, разодѣвалъ ее, какъ и самого себя, въ разные необычайные и великолѣпные наряды, покрывалъ ее какою то странною случайною роскошью. Онъ изобразилъ ее Еврейкой, Одалиской, Юдиѳью, быть можетъ, Сусанной и Вирсавіей. Но онъ никогда не писалъ ее такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, въ одеждѣ или нагая, и не оставилъ ни одного схожаго портрета,—такъ, по крайней мѣрѣ, хочется думать. Вотъ все, что мы знаемъ объ его домашнихъ радостяхъ; слишкомъ рано угасшихъ. Жена умерла молодою, въ тотъ самый годъ, когда онъ написалъ лучшую свою картину. Въ его картинахъ ни разу не встрѣчается веселаго, привѣтливаго образа его дѣтей, а онъ имѣлъ ихъ нѣсколько отъ разныхъ браковъ. Одинъ сынъ его умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до него самого. Другіе исчезли во мракѣ, покрывшемъ его послѣдніе годы и его смерть.

У N. же невозможно узнать, что выстрадало его сердце. Жена его умираетъ, а работа его продолжается безъ единаго дня задержки—это видно по датамъ его картинъ и еще лучше по его офортамъ. Рушится его богатство, его волокутъ на судъ, какъ несостоятельнаго должника, у него отнимаютъ все, что онъ любитъ: онъ уноситъ свой мольбертъ, ставитъ его на новомъ мѣстѣ, и ни современники. ни потомство не услышали ни единой жалобы, ни единаго крика этого страннаго человѣка. А можно было думать, что онъ будетъ совершенно раздавленъ несчастьемъ. Его производительность не уменьшается и не падаетъ Популярность измѣняетъ ему вмѣстѣ съ богатствомъ, счастіемъ, благосостояніемъ: на несправедливость судьбы, на измѣну общественнаго мнѣнія, онъ отвѣчаетъ произведеніями, причисляющимися къ самымъ его уравновѣшеннымъ, убѣжденнымъ, сильнымъ. Въ траурѣ, въ унизительныхъ несчастіяхъ, онъ сохраняетъ какую то невозмутимость, совершенно необъяснимую, если не знать, на что способна душа, поглощенная глубокимъ содержаніемъ, въ смыслѣ внутренней силы, безразличія и скораго забвенія.

Имѣлъ ли онъ друзей? Повидимому, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, его друзьями не были тѣ, чьей дружбы онъ заслужилъ: ни люди, которыя бывали въ его домѣ, ни знаменитые художники, которые посѣщали всѣхъ, кромѣ него ничего не упоминаютъ о немъ. Имя N. даже не значится ни въ его письмахъ, ни въ его коллекціяхъ. Чествовали ли его, имѣлъ ли онъ связи, былъ ли на виду? Нѣтъ. Когда о немъ говорятъ въ Апологіяхъ, въ литературѣ того времени, въ маленькихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ на случай, то всегда отводятъ ему второстепенное мѣсто. Упоминаютъ его случайно, безъ всякой теплоты и почти только изъ чувства справедливости. Литераторы предпочитали ему другихъ: для N.—единственнаго великаго изъ всѣхъ—они находили мѣсто позади прочихъ. Въ оффиціальныхъ церемоніяхъ, во дни всякихъ большихъ торжествъ, его забывали. Его не видно нигдѣ—ни въ первомъ ряду, ни «на эстрадахъ».

Несмотря на его геній, его славу, на неслыханное увлеченіе, толкавшее къ нему художниковъ въ началѣ его творчества, та общественная среда, которую называютъ свѣтомъ, даже въ родномъ городѣ только слегка пріоткрыла ему дверь, не больше—онъ къ ней никогда не принадлежалъ, Ни портреты его работы, ни самая личность его не служили ему рекомендаціей. Хотя онъ и дѣлалъ портреты великолѣпно и притомъ съ избранныхъ по положенію людей; они не были произведеніями легко нравящимися, естественными, ясными. Они не могли создать ему популярности въ извѣстномъ обществѣ, не могли тамъ быть оцѣнены и дать ему право входа. Я уже сказалъ, что лица власть имущіе и меценаты, изображенные въ его картинахъ, впослѣдствіи утѣшилися портретами другихъ мастеровъ. Что-же касается Мецетра, молодого сравнительно съ нимъ человѣка, то онъ—я въ томъ не разувѣрюсь—разрѣшилъ писать себя противъ своей воли. N. бывалъ у этого оффиціальнаго лица скорѣе какъ у бургомистра и мецената, чѣмъ какъ у друга. Вообще онъ предпочиталъ общество незначительныхъ людей, лавочниковъ, мелкихъ мѣщанъ. За это скромное, нисколько его не позорящее общеніе съ людьми N. впослѣдствіи очень унижали. Но еще одинъ шагъ, и его можно было бы упрекнуть въ гнусныхъ привычкахъ, ибо десять лѣтъ послѣ смерти жены онъ имѣлъ повидимому, подозрительныя сношенія со своей служанкой. А между тѣмъ онъ даже не ходилъ по кабакамъ,—явленіе, чрезвычайно для того времени рѣдкое. Служанка его лишилась честнаго имени, а самого N. очень осуждали. Въ это время, впрочемъ, у него все шло плохо, состояніе, почести. Когда онъ покинулъ аристократическій кварталъ, безъ крова, безъ гроша, но расчитавшись со своими кредиторами, для него создалось положеніе, въ которомъ ничего не значатъ ни талантъ, ни уже пріобрѣтенная слава. Его забыли, потеряли самый слѣдъ его. Его поглотила темная жизнь въ нуждѣ,

изъ которой онъ, собственно говоря, никогда и не выходилъ вполнѣ.

Во всемъ, какъ видно, онъ былъ человѣкомъ не похожимъ на другихъ, мечтателемъ, быть можетъ, очень молчаливымъ, хотя черты его свидѣтельствуютъ о другомъ. Возможно, что обладалъ характеромъ угловатымъ, немного грубымъ, рѣзкимъ, натянутымъ. Ему неудобно было противорѣчить, еще неудобнѣе было его убѣждать. Внутренно извилистый, внѣшне неподатливый, онъ, во всякомъ случаѣ, былъ оригиналенъ. Если сначала онъ, несмотря на зависть, близорукость, педантизмъ и глупость многихъ. былъ знаменитъ, любимъ и восхваляемъ, то впослѣдствіи ему за это жестоко отомстили.

Онъ писалъ, рисовалъ, гравировалъ иначе, чѣмъ всѣ. По техническимъ пріемамъ произведенія его являлись даже настоящими загадками. Ему удивлялись, но съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, за нимъ слѣдовали, не вполнѣ его понимая. За работой, главнымъ образомъ, у него и былъ видъ алхимика. Когда его видѣли передъ мольбертомъ, съ его несомнѣнно совсѣмъ липкой отъ красокъ палитрой, откуда онъ бралъ иногда столько тяжелаго, а иногда и столько легчайшаго вещества, когда его видѣли согнувшагося надъ мѣдной доской, рѣжущаго по ней вопреки установившимся правиламъ—всѣ искали у него въ самой кисти или рѣзцѣ секретовъ, лежавшихъ гораздо глубже. Его манера была столь нова, что она сбивала съ толку умы сильные и увлекала до страсти умы простые. Все, что только было молодого, предпріимчиваго, непослушнаго и легкомысленнаго среди учившихся живописи—все бѣжало къ нему. Его прямые ученики были посредственны, хвостъ, который тащился за ними, былъ отвратителенъ. Поразительно то, что при келейномъ обученіи, о которомъ я уже говорилъ выше, ни одинъ изъ нихъ не сохранилъ вполнѣ своей независимости. Они подражали своему мастеру. Конечно, они переняли у него лишь худшіе изъ его пріемовъ.

Былъ-ли онъ ученъ, образованъ? Былъ-ли онъ хотя-бы начитанъ? Говорятъ—да, потому что онъ умѣлъ компоновать сцены, касался исторіи, миѳологіи, христіанскаго ученія. Говорятъ—нѣтъ, такъ-какъ по разсмотрѣніи его обстановки оказалось несчетное число гравюръ и почти не было книгъ. Былъ-ли онъ философомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обычно понимаютъ это слово? Въ какомъ отношеніи былъ онъ къ тогдашнему моменту реформаціи? Способствовалъ-ли онъ, какъ это увѣряютъ въ наше время нѣкоторые, въ качествѣ художника, искорененію догматовъ и выясненію человѣческихъ сторонъ Евангелія? Сказалъ-ли онъ намѣренно свое слово по политическимъ, религіознымъ, соціальнымъ вопросамъ, наполнявшимъ смятеніемъ его страну и потомъ, наконецъ, счастливо разрѣшеннымъ? Онъ изображалъ нищихъ, обездоленныхъ, бродягъ чаще, чѣмъ богатыхъ, евреевъ чаще, чѣмъ христіанъ Слѣдуетъ-ли изъ этого, что онъ питалъ къ бѣдствующимъ слоямъ населенія что-либо, кромѣ интереса живописца? Все это болѣе, чѣмъ гадательно, и я не вижу основанія углублять творчество, уже и безъ того глубокое, и прибавлять еще одну гипотезу къ множеству другихъ.

Дѣйствительно, трудно выдѣлить его изъ умственнаго и нравственнаго движенія его страны и его времени. Онъ дышалъ своимъ вѣкомъ, своимъ роднымъ воздухомъ, и имъ онъ жилъ. Онъ былъ-бы необъяснимъ, если бы явился раньше. Рожденный въ другой странѣ, онъ казался-бы еще болѣе странной кометой, блуждающей внѣ осей искусства новаго времени. Если-бы онъ пришелъ позднѣе, онъ не имѣлъ-бы громадной заслуги завершителя прошлаго, открывшаго одну изъ великихъ дверей будущаго. Во всѣхъ отношеніяхъ въ немъ многіе обманулись. Ему недоставало внѣшнихъ условныхъ приличій, и изъ этого заключили, что онъ былъ грубъ. Въ области знанія онъ нарушилъ много системъ, и изъ этого сдѣлали выводъ, что онъ имъ не обладалъ. Какъ человѣкъ вкуса, онъ погрѣшилъ противъ обычныхъ законовъ, изъ чего опять-таки заключили, что у N его не было. Какъ художникъ, влюбленный въ прекрасное, онъ выразилъ относительно земныхъ вещей нѣсколько очень безобразныхъ представленій. При этомъ не замѣтили, что онъ смотрѣлъ въ другую сторону. Короче, какъ-бы сильно его ни расхваливали, какъ-бы зло его ни хулили, какъ-бы несправедливо къ нему ни относились въ вопросахъ добра и зла, не считаясь съ его дѣйствительнымъ характеромъ, никто не подозрѣвалъ вполнѣ точно его истиннаго величія.

Замѣтьте, что онъ въ наименьшей мѣрѣ туземецъ изъ всѣхъ отечественныхъ живописцевъ. Хотя онъ и принадлежитъ своему времени, онъ никогда не принадлежитъ ему вполнѣ. Того, что наблюдали его соотечественники, онъ не видитъ. Къ тому, отъ чего они отстранялись, онъ возвращается. Они распрощались съ миѳами, а онъ къ нимъ идетъ. Съ Библіей: онъ иллюстрируетъ ее. Съ Евангеліемъ: онъ съ особенной охотой на немъ останавливается. Все это онъ разодѣваетъ по-своему, но отовсюду онъ высвобождаетъ смыслъ единый, новый, всемірно понятный. Онъ грезитъ о Св. Симеонѣ, о Іаковѣ и Лаванѣ, о Блудномъ Сынѣ, о Товіи, объ Апостолахъ, о Св. Семействѣ, о Царѣ Давидѣ, о Голгофѣ, о Самарянинѣ, объ Евангелистахъ. Онъ блуждаетъ вокругъ Іерусалима, Еммауса,—всегда, это чувствуется притягиваемый синагогой. Эти освященныя темы ему представляются въ обстановкахъ, которымъ нѣтъ названія, съ костюмами, которые противорѣчатъ здравому смыслу. Онъ ихъ задумываетъ и формулируетъ, такъ-же мало заботясь о традиціяхъ, какъ и о правдѣ мѣста дѣйствія. Но такъ велика сила его творчества, что этотъ столь особенный, столь личный духъ придаетъ предметамъ, которыхъ касается N. общее выраженіе, интимное и типическое значеніе, не всегда доступное великимъ мыслителямъ и эпическимъ мастерамъ рисунка.

Я уже гдѣ-то сказалъ въ настоящемъ очеркѣ, что его принципомъ было—выдѣлить въ вещахъ одинъ элементъ изо всѣхъ другихъ, или, вѣрнѣе, отвлечь ихъ всѣ съ тѣмъ, чтобы опредѣленно имъ овладѣть. Такимъ образомъ, въ своихъ работахъ онъ производилъ анализъ, перегонку, или, выражаясь благороднѣе, творилъ, какъ метафизикъ въ большей степени, чѣмъ какъ поэтъ. Никогда дѣйствительность не овладѣвала имъ въ своихъ ансамбляхъ. Когда смотришь, какъ онъ трактовалъ тѣла, можно усомниться, интересовался ли онъ оболочками. Онъ любилъ женщинъ, но видѣлъ ихъ только безобразными. Онъ любилъ ткани но не воспроизводилъ ихъ точно. Но зато, за неимѣніемъ граціи, красоты, чистыхъ линій, нѣжности кожи, онъ передавалъ нагое тѣло гибкимъ, упругимъ, округлымъ, съ той любовью къ веществу, съ тѣмъ чувствомъ жизни, которыя приводятъ въ восторгъ художниковъ. Онъ дѣлалъ сводку и разложеніе всего, цвѣта столько-же, сколько и свѣта, такъ-что, исключая изъ видимости вещей все множественное, сгущая разсѣянное, онъ могъ рисовать безъ очертаній, писать портретъ почти безъ наглядныхъ линій, раскрашивать безъ колорита, сосредоточивать сіяніе солнечнаго міра въ одномъ лучѣ. Совершенно невозможно въ изобразительномъ искусствѣ зайти дальше въ любопытствѣ къ бытію въ себѣ. Красоту физическую онъ замѣнялъ духовнымъ выраженіемъ; подражаніе внѣшности—почти полнымъ преображеніемъ вещей; непосредственное разсмотрѣніе, умозрѣніемъ психолога; точное, умѣлое или наивное наблюденіе—ясновидѣніемъ призраковъ столь искреннимъ, что онъ самъ обманывался. Благодаря этому дару двойного зрѣнія, этой интуиціи лунатика, онъ въ области сверхъестественнаго видитъ дальше, чѣмъ кто-бы то ни было. Жизнь, воспринимаемая имъ какъ-бы во снѣ, имѣетъ отпечатокъ свѣта, дѣлающій ее почти холодной и блѣдной. Посмотрите въ Луврѣ на его «Женскій портретъ», въ двухъ шагахъ отъ «Метрессы» другого знаменитаго художника. Сравните эти два существа, вопросите, какъ слѣдуетъ, обѣ картины, и вы поймете разницу между обоими умами. Его идеалъ—свѣтъ, подобный грезѣ, которую преслѣдуютъ съ закрытыми глазами: сіяніе вокругъ предметовъ, фосфоресценція на черномъ фонѣ. Все это неустойчиво, неопредѣленно, образовано незамѣтнымъ линіями, готовыми исчезнуть еще раньше чѣмъ на нихъ пристально посмотришь, эфемерно и ослѣпительно. Схватить видѣніе, перенести его на холстъ, дать ему форму, рельефъ, сохранитъ его хрупкое строеніе, придать ему его блескъ—и въ результатѣ и очная. мужественная, субстанціальная живопись, болѣе реальная, чѣмъ всякая другая, не уступающая никому изъ его современниковъ. Вотъ что пытался сдѣлать N. Осуществилъ-ли онъ свои задачи? Отвѣтить на это можетъ только мнѣніе всего міра.

Еще одно послѣднее слово. Примѣняя къ N. его собственный методъ, извлекая изъ этого столь обширнаго творчества, изъ этого многосторонняго генія то, что опредѣляетъ его сущность, его природные элементы, исключая палитру, кисть, масляннистую краску, мазокъ гладкій и густой, весь механизмъ его живописи, можно было-бы, наконецъ, уловить коренныя особенности художника въ граверѣ. N. цѣликомъ содержится въ своихъ офортахъ. Его духъ, стремленія, воображеніе, грезы, здравый смыслъ химеры, трудности въ передачѣ невозможнаго, реальность въ томъ, что есть ничто—все это открываютъ его офорты Они даютъ предчувствовать живописца и—болѣе того—его объясняютъ. Та-же техника, та-же предвзятость, та же небрежность, та-же настойчивость, та-же странность фактуры, то-же отчаяніе и внезапный успѣхъ въ выраженіи.

Внимательно сравнивая эскизъ картины міра съ какимъ-нибудь его офортомъ, я не вижу между ними никакой разницы. Нѣтъ никого, кто не поставилъ-бы этого гравера выше всѣхъ граверовъ. Не заходя такъ далеко въ сужденіи объ его живописи, было-бы хорошо почаще думать о «Листѣ въ сто монетъ», особенно, когда затрудняешься понять его картины. Тогда увидѣли-бы что всѣ шлаки этого искусства, труднѣе всѣхъ другихъ поддающагося очисткѣ, совсѣмъ не портятъ несравненно прекраснаго пламени, горящаго внутри его. Я полагаю, что тогда замѣнили бы новыми названія и клички, какія когда-либо давали N.

Дѣйствительно, это человѣкъ съ глазами, свѣтящимися во тьмѣ, и рукою, не очень умѣлою, но очень ловкою. Эта работа, производимая съ такимъ трудомъ, исходила отъ гибкаго и проницательнаго ума. Ничтожный человѣкъ, ищейка, костюмеръ, ученый, вскормленный на безтолковщинѣ. Человѣкъ съ самыхъ низовъ, но чрезвычайно высокаго полета. Ночная бабочка, налетающая на все, что свѣтитъ, духъ столь чуткій къ нѣкоторымъ формамъ жизни, но столь равнодушный къ другимъ. Страсть безъ нѣжности, влюбленность безъ видимаго пламени. Натура, состоявшая изъ контрастовъ, противорѣчій и двусмысленностей: взволнованная, но не краснорѣчивая, любовная, но мало любезная. Неудачникъ, богато одаренный, по мнѣнію многихъ—матеріалистъ. «Пошлякъ», «уродъ». На самомъ-же дѣлѣ это былъ чистѣйшій спиритуалистъ, или, выражаясь однимъ словомъ: идеологъ. Я хочу сказать: человѣкъ, чья область—идеи, чей языкъ—языкъ идей. Здѣсь разгадка тайны.

Именно такимъ образомъ объясняется весь N. Таковы его жизнь, его творчество, его склонности, его замыслы, его поэтика, его методъ, его пріемы и даже патина его живописи, представляющая не что иное, какъ смѣлое и намѣренное одухотвореніе матеріальныхъ элементовъ его искусства.

М. А Врубель.

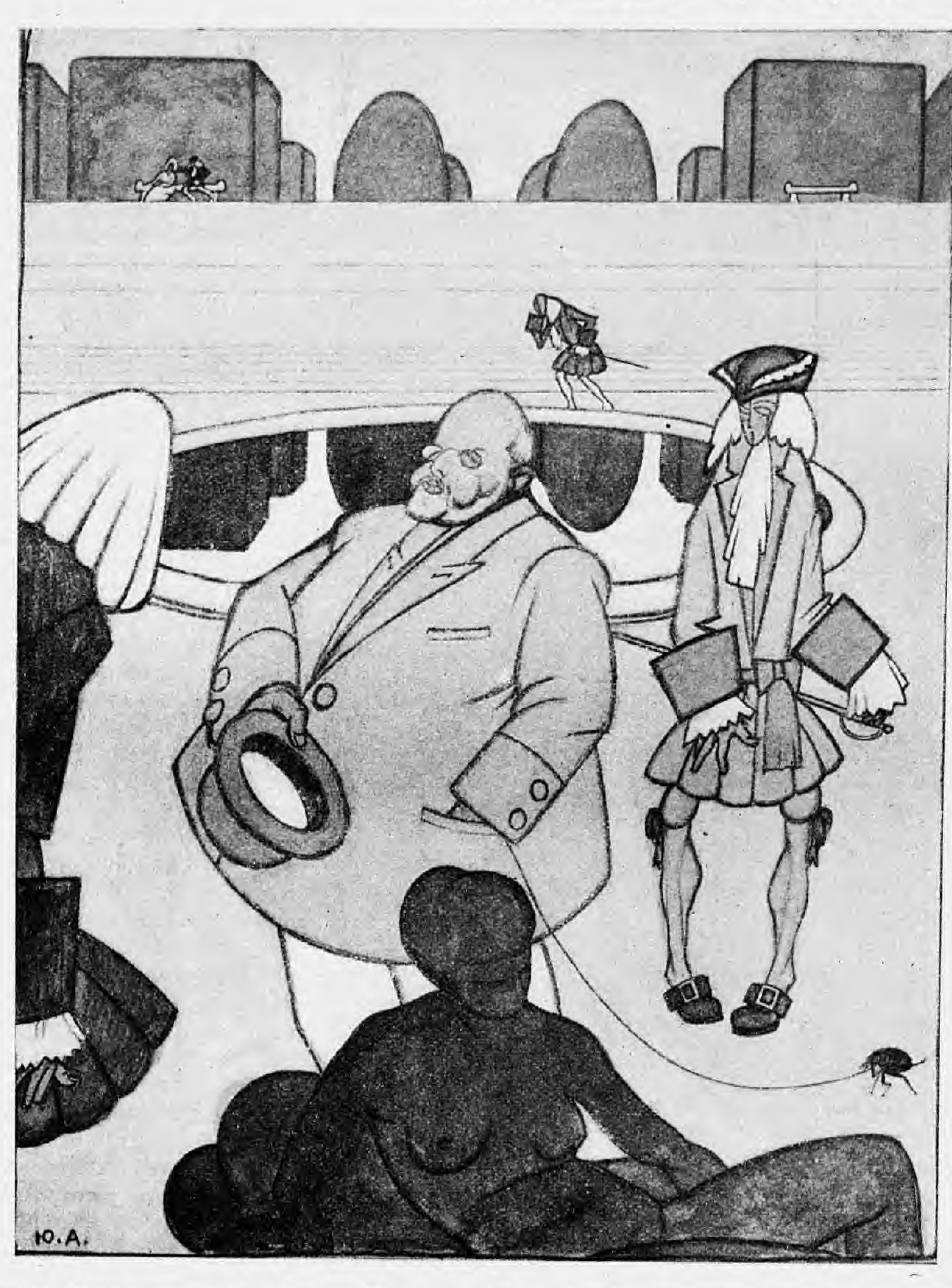
Третій конкурсъ „Весны".

ШУТЪ.

Мраченъ и угрюмъ сидѣлъ въ своей опочивальнѣ герцогъ. Уже въ теченіе двухъ часовъ сидѣлъ онъ такъ неподвижно, съ насупленными бровями и съ вперившимся въ одну точку взглядомъ. А точка эта находилась на груди молодой, прекрасной блондинки, изображенной умѣлой кистью мастера на большомъ, висящемъ прямо противъ герцога портретѣ. Лучи заходящаго солнца пробиваясь сквозь цвѣтныя, узорчатыя стекла, преломляясь въ какіе-то фантастическіе блики, двигались радужными огоньками вдоль стѣнъ, придавая герцогинѣ видъ неземного существа, парящаго въ воздухѣ.

Герцогъ не отрываясь глядѣлъ на портретъ, и по временамъ въ его взорѣ была видна такая жгучая ненависть, что пажъ, находившійся неотлучно въ покоѣ герцога невольно дрожалъ и старался стоять чуть дыша, чтобы не обратить на себя вниманія разгнѣваннаго властелина.

Юр. Анненковъ «А. Н. Бенуа въ Версалѣ».

Причинъ для гнѣва герцога, человѣка уже не молодого, было достаточно. Его вторая жена подарила ему еще ребенка—и опять дѣвочку. Когда всѣ мысли, всѣ стремленія народа были сосредоточены на сверженіи жестокаго тирана, только одинъ наслѣдникъ могъ упрочить его тронъ... Надежды тщетны... Разстроенные нервы герцога были такъ болѣзненно натянуты, что только самыя сильныя средства могли успокоить и хоть немного примирить со случившимся, этого погрязшаго въ развратѣ и преступленіяхъ, человѣка. Безмѣрно властолюбивый, кровожадный, съ дѣтства уже привыкшій къ безцѣльнымъ убійствамъ, развращенный потоками крови, герцогъ въ минуты крайняго нервнаго напряженія могъ лишь успокоиться при видѣ невинно пролитой крови, въ особенности, если эта кровь принадлежала близкому, хорошо знакомому существу.

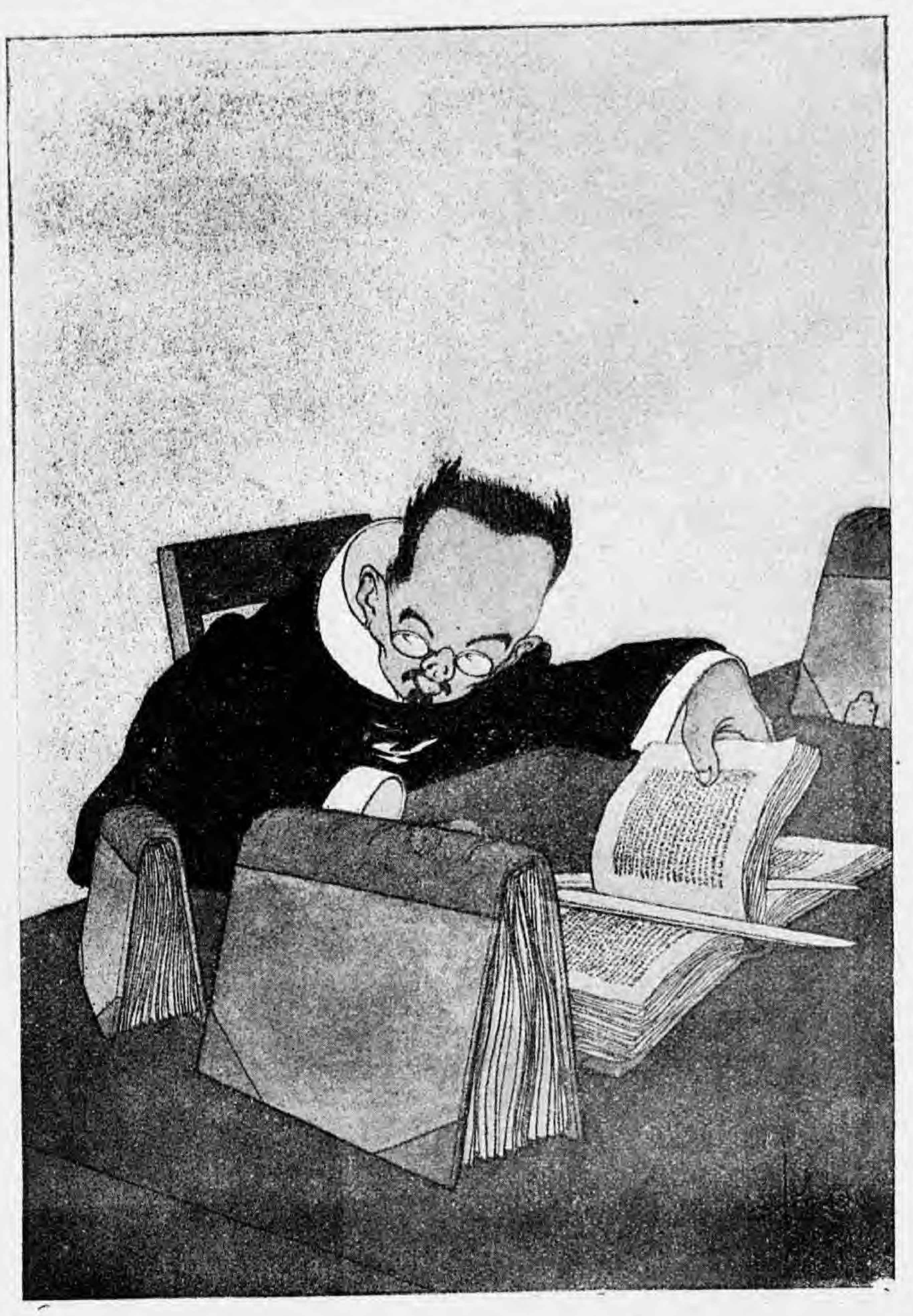
А успокоится необходимо. Завтра пиръ крестины. Нельзя-же показать всѣмъ приглашеннымъ, что ропотъ народа трогаетъ сердце повелителя болѣе, чѣмъ они думаютъ.

Еще мрачнѣе, чѣмъ герцогъ, сидѣлъ въ своей каморкѣ шутъ. Геніальный остроумный бѣднякъ, только изъ страстной любви и преданности къ герцогу, который спасъ когда-то его единственнаго ребенка изъ рукъ разъяренной черни,—онъ сталъ его шутомъ. Вѣчно готовый по первому-же зову разсмѣшить властелина удачной фразой, или уродливой гримасой, этотъ „король смѣха" сидѣлъ весь сгорбившись, осунувшись, печалясь, быть можетъ, больше самого герцога, но не надъ обманутыми надеждами, нѣтъ, его трогала лишь одна мысль, что повелитель, любимый полубогъ, страдаетъ. Шутъ отлично зналъ, чѣмъ можно успокоить тирана, и, сознавая свое личное, проффессіональное безсиліе, только плакалъ...

* * *

Насталъ часъ пира... Столъ густо, уставленный всевозможными явствами и винами, окруженъ блестящей плеядой царедворцевъ и знати. Всѣ дѣлаютъ видъ, что веселятся, а на самомъ дѣлѣ

А. Н. Мельниковъ «Алексѣй Ремизовъ».

всѣмъ не по душѣ. Ни у кого не вырвется искреннее, громкое слово; каждый старается говорить болѣе шепотомъ, чѣмъ вслухъ, глядя на герцога, сидящаго, подперевъ голову лѣвой рукой и держащаго въ правой большой кубокъ, безпрерывно пополняемый услужливыми пажами. Чѣмъ дальше подвигается мрачное пиршество, тѣмъ настроеніе становится все угрюмѣе и подавленнѣе... Вдругъ послышались бубенцы, и въ припрыжку, хромая, вбѣгаетъ шутъ въ желтомъ женскомъ парикѣ. Съ улыбкой, похожей на судорогу страданія хриплымъ, еле слышнымъ, дрожащимъ голосомъ, онъ сквозь слезы старается немного расшевелить общество и все время не спускаетъ глазъ съ обожаемаго господина. Но шутки удаются плохо. Плохой у нихъ и успѣхъ. Подойдя къ герцогу, шутъ, видно, желаетъ что-то сказать, но слова застреваютъ у него въ пересохшемъ горлѣ и вмѣсто нихъ вырывается давно сдерживаемое рыданье. Не помня себя, онъ падаетъ на колѣни и желаетъ обнять ноги герцога, но тотъ сильнымъ ударомъ, отбросивъ бѣднаго шута, поднимается и пьянымъ, отяжелѣвшимъ отъ вина голосомъ, кричитъ:

„Прочь шутъ! Я не настроенъ видѣть твою глупую, слезливую рожу... Сеньоры! Немного страннымъ кажется Намъ ваше поведенье; созвали Мы всѣхъ, чтобъ праздновать крестины, а видъ трепещущій у васъ. Что вы боитесь? Или скучаете быть можетъ? Такъ чтожъ! Есть у меня для васъ забава. Мы всѣ здѣсь дружною семьей, не такъ-ли? Никто не станетъ прекословить мнѣ: неправда-ль? А не то со мной имѣть придется дѣло... Хочу сегодня веселится, хочу я крови, да!.. Но чья изъ васъ прольется кровь, пусть вамъ судьба разскажетъ“...

Послѣ этихъ словъ герцогъ смолкъ и жадно, безъ передышки выпилъ два полныхъ кубка. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ затихли, зная, что выхода изъ критическаго положенья нѣтъ. Да если-бъ онъ и былъ, имъ все равно никто не рискнетъ воспользоваться. Вѣдь мщеніе тирана достигнетъ всякаго, какъ далеко-бы онъ ни былъ. Но каждый тѣшилъ себя все-же надеждой, что судьба изберетъ не его, и что онъ при помощи еще неизвѣстной, но жестокой забавы, съумѣетъ легко, и вполнѣ „законнымъ“ образомъ, отдѣлаться отъ какого-нибудь соперника. Всѣ молча ждали, пока герцогъ, объяснитъ имъ суть задуманной грозной шалости.

А повелитель еще нѣкоторое время ехидно наблюдалъ за всѣми, затѣмъ яростно ударивъ кулакомъ по столу, прошипѣлъ:

„Ну; чтожъ! Мнѣ кажется, вамъ всѣмъ не по себѣ? Придется Намъ ужъ всѣхъ развеселить; а чтобы Насъ потомъ не обвиняли вы въ убійствѣ, заставлю я и васъ участье въ немъ принять. Хочу провѣрить ваше остроумье; кто жертвой будетъ, судьба сама рѣшитъ. А сдѣлаемъ мы такъ: пусть каждый на клочкѣ бумажки напишетъ ребусъ потруднѣй и броситъ въ эту вазу, она вамъ будетъ урной. Затѣмъ бросайте жребій, и избранный самой судьбой пусть вытянетъ одну записку и вѣрное рѣшеніе намъ дастъ. А если онъ въ рѣшеньи ошибется, или совсѣмъ его не дастъ, то всѣ, кто ближе, тѣ должны его кинжалами пронзить. Вамъ вѣдь все ясно? Да? Такъ поскорѣе шевелитесь... А ты Шутъ, что тамъ въ сторонѣ? Пиши и ты, прими участіе въ забавѣ!..

Немного возбужденный длинной тирадой, герцогъ стоялъ выпрямившись, съ блестящимъ, отъ предвкушенія будущей забавы, взглядомъ.

Нѣкотое время было слышно лишь усиленное дыханье пишущихъ, которымъ эта работа давалась совсѣмъ не легко. Затѣмъ всѣ бумажки были брошены въ урну; и приступили къ жеребьевкѣ. Не долго длилась процедура. Черезъ минуту всѣ знали, что жребій палъ на Шута. При этомъ всѣ вздохнули легче, зная, что этотъ геніальный остроумецъ разрѣшитъ любую, даже самую сложную задачу, не задумываясь. Всѣ почувствовали большое облегченіе, видя что теперь забава герцога обойдется безъ кровопролитія.

— „Ну что? Готово? крукнулъ герцогъ.—Кто избранъ? Что? Мой Шутъ? Ну, превосходно, ближе къ дѣлу!“

Герцогъ самъ на время забывшій цѣль выдуманной имъ игры, торопилъ, желая похвастать присутсвующимъ геніемъ своего Шута.

..Блѣдный, какъ смерть, стоялъ Шутъ. Дрожащими руками держалъ онъ скомканную бумажку... Онъ держалъ въ рукѣ загадку, свою собственную, только-что брошенную имъ самимъ въ урну, загадку. Рѣшенье ясно... Шутъ уже хотѣлъ было объявить его вслухъ, но бросивъ бѣглый взглядъ на герцога, и увидѣвъ, что тотъ послѣ минутной вспышки опять впалъ въ прежнюю апатію, опять мраченъ и золъ. Шутъ замялся и... молчалъ...

— „Что ты такъ долго? Говори!“

— „Прости, о Государь, мнѣ кажется, рѣшенья я не знаю... впрочемъ... нѣтъ, нѣтъ, рѣшенья я не знаю!..

...Пронзенный нѣсколькими кинжалами, палъ Шутъ, и его умирающій взглядъ еще видѣлъ либимаго герцога—склонившагося надъ нимъ уже съ радостнымъ, просвѣтленнымъ лицомъ...

Д. Г.

Первый конкурсъ „Весны“.

БУРИМЕ.

ПИЙ Х.

О міръ, воскликнулъ Пій глядя на танго,
Вѣдь эта грязь на благонравіи лишай;
Достоинъ танецъ сей лишь глазъ орангутанга...
Меня же міръ—фурляной потѣшай
Ее плясать могла-бъ сама мадонна...
Но танго для людей—отравленный пирогъ,
Погибель въ немъ какъ пропасти бездонна
Дрожу. Отъ пота хладнаго я кажется продрогъ...

Кальяро.

ВАКХАНКА.

Извиваясь какъ гадюка въ буйно-страстной пляскѣ танго
Одурманю, зачарую щекоча, всѣхъ какъ лишай...
Хоть до ужаса противна, словно дочь орангутанга,
Всѣ обнимутъ, расцѣлуютъ, умоляя «потѣшай»...
Но какъ сталь неколебима, словно чистая Мадонна,
Отстраню я дождь червонцевъ, поднесенный мнѣ пирогъ...
Вспыхнувъ местью безграничной, буду въ дикости бездонна,
Чтобы каждый отъ желаній истомился и продрогъ...

Макаръ Пасынокъ.

Танцуй, прелестница, мнѣ танго
(Утѣхи милой не лишай)
И своего орангутанга
Тѣлодвиженьемъ потѣшай!
Ты не святая вѣдь мадонна
И вкусный любишь ѣсть пирогъ;
Въ тебѣ пылаетъ страсть бездонна,
А я отъ холода продрогъ.

Василекъ.

1.

На зло судьбой дано намъ танго,
Какъ надоѣдливый лишай
Позерство... стилъ орангутанга...
Буржуйность вкусовъ потѣшай.
Въ смятеньи «Папа» О! Мадонна!
Пошли имъ кару. Хлѣбъ, пирогъ
Возьми отъ нихъ, вѣдь такъ бездонно
Паденье ихъ, что я продрогъ.

2.

Я пригласилъ ее на танго—
Фривольный танецъ не лишай
Плясалъ подъ стать орангутанга.
Мечталъ—красотку потѣшай.
Она прелестна, какъ Мадонна
И аппетитна, какъ пирогъ,
А очи!—страсть въ нихъ такъ бездонна,—
Что я отъ страсти той продрогъ.

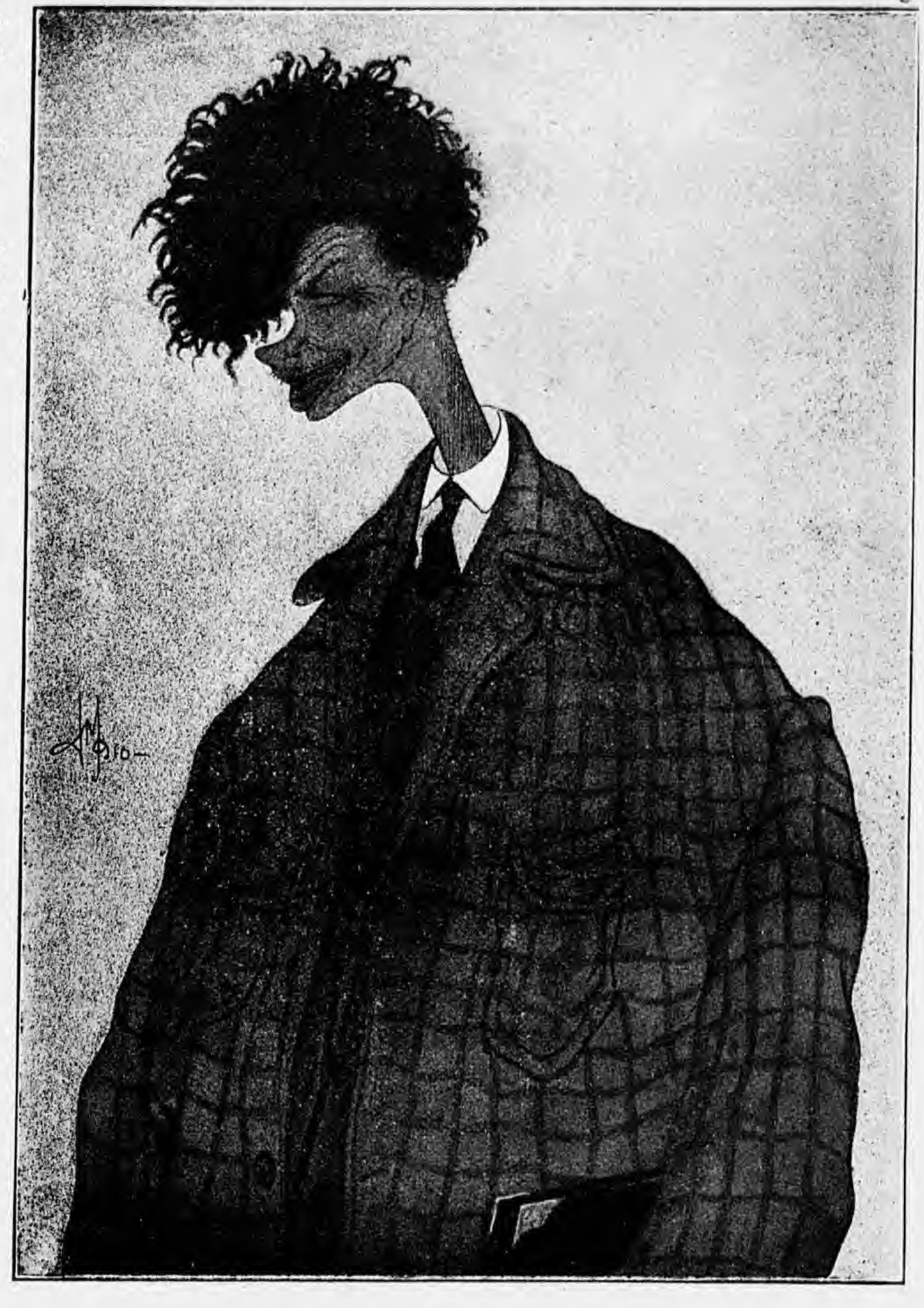
Нилло-Боти.

ТАНГО.

Неприличенъ танецъ танго
Безобразенъ, какъ лишай,
Онъ дитя орангутанга
Низшій классъ онъ потѣшай;
Ты прекрасна какъ Мадонна
И вкусна ты какъ пирогъ,
Глубина твоя бездонна
Ну довольно, я продрогъ!

Люб. Дурдина.

А. И. Мельниковъ «Н. В. Ремизовъ Ре-ми».

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА.

Очень интересно составлены альманахи издаваемые М. И. Семеновымъ подъ такимъ заглавіемъ.

Вотъ напримѣръ второй.

Въ „Красной кофтѣ“ Ю. Слезкина, на фонѣ яркаго реализма вскипѣла какая то мистическая жуть. Мать пала въ ресторанѣ и въ тотъ самый часъ паденія матери упала и расшиблась на смерть ея малютка дѣвочка.

Случайность.

Такъ бываетъ.

Трагическій анекдотъ.

Но въ томъ какъ разсказанъ этотъ анекдотъ чуется, что это больше чѣмъ анекдотъ, что это не простяя случайность, что въ жизни часто невидимая рука рока караетъ...

Въ „Снахъ“ популярнѣйшей писательницы, романы которой расходятся сейчасъ даже больше Амфитеатровскихъ („Гнѣвъ Діониса“ уже выдержалъ 9 изданій!) оригинальна тема.

Двое—женщина и юноша хотятъ какъ нибудь убѣжать отъ пошлой обыденки.

Они рвутся къ снамъ.

Бурлюкъ «Н. Н. Евреиновъ».

Каждый день сходятся и разсказываютъ другъ другу свои сны.

А когда ничего не приснилось—придумываютъ сны,—сочиняютъ.

Они такъ втянулись въ это сочиненіе, что не могутъ жить безъ этого „насъ возвышающаго обмана“.

И вотъ сочиняютъ коллективный романъ.

Конечно и романъ этотъ пошлъ, какъ ихъ обыденка, потому что онъ навѣянъ „шедеврами“ бульварной литературы...

Но въ самомъ тяготѣніи ихъ къ принцессѣ грезѣ есть своя красота.

Зиновій Львовскій прекрасно перевелъ разсказъ Якова Вассермана „Лукардія“—изъ временъ русской революціи.

Сюжетъ оригиналенъ.

Раненому революціонеру надо немедленно скрыться отъ преслѣдованія полиціи.

Рана не позволяетъ ему уѣхать изъ Петербурга, а остаться у знакомыхъ— то же нельзя,—слѣдятъ.

Помочь выискалась молодая, эксцентричная дѣвушка Лукардія, — невѣста богатаго чиновника.

Она ѣдетъ съ незнакомымъ Надинскимъ въ домъ свиданія и проводитъ тамъ съ почти умирающимъ мужчиной на одной постели, подъ однимъ одѣяломъ двѣ ночи!

И при этомъ, чтобы прислуга не догадалась имитируетъ безстыдными, безстыжими словами разыгрываетъ изъ себя его случайную подругу.

Согласно обычаямъ дома, къ нимъ былъ приставленъ спеціальный человѣкъ для услугъ.

У этого человѣка, въ шитой серебромъ ливреѣ, были злые и наблюдательные круглые глаза. На губахъ его всегда играла отвратительно слащавая улыбка, и онъ прислуживалъ съ чисто рабскимъ подобострастіемъ, При видѣ его Лукардія почувствовала, какъ болѣзненно сжалось ея сердце. Слуга накрылъ столъ и остался въ комнатѣ, въ ожиданіи приказаній. Въ то время, какъ Надинскій заказывалъ кушанья, вина и шампанское, слуга не отрывалъ отъ него взгляда, который, казалось, требовалъ, чтобы пріѣзжіе были именно такими людьми, за какихъ они себя выдавали.

Лукардія надѣла сильно декольтированное платье и была густо накрашена. Дѣтская наивность, неизмѣнно до сихъ поръ сіявшая на ея лицѣ и чудесно украшавшая его должна была теперь смѣниться преступнымъ выраженіемъ готовности на любыя услуги. Она должна была все время непринужденно болтать, быть игривой, кокетливой, много смѣяться, садиться къ Надинскому на колѣнии принимать самы рискованныя позы.

Все то, чего она до сихъ поръ не видѣла, чего не хотѣла видѣть,—о чемъ знала изъ случайныхъ словъ, изъ случайно прочитанныхъ книгъ.—она должна была теперь продѣлывать для того, чтобы обмануть бдительность хама, то и дѣло появлявшагося въ комнатѣ.—то съ тарелками, то съ бутылками, то съ блюдами. Подавъ все—въ томъ числѣ и ведерко въ шампанскимъ - слуга отошелъ на нѣкорое разстояніе и съ гнуснѣйшимъ видомъ сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Фальшивая, дешевая роскошь этого дома приводила Лукардію въ ужасъ. Ей стоило неимовѣрныхъ усилій довести до конца принятую на себя роль. Она боролась съ собой, подавляла омерзѣніе ко всему тому, что въ эту минуту окружало ее, и продолжала играть свою трудную роль соблазнительницы

Моментами ей чудилось, что она уже очень давно ушла изъ родительскаго дома, - ушла много лѣтъ назадъ... Она забывалась, и въ такія минуты Надинскій бросалъ на нее страдальческіе и удивленные взгляды. Онъ точно старался разгать женщину, которая такимъ страннымъ образомъ очутилась на его жизненномъ пути. Всего труднѣе было обоимъ въ тѣ минуты, когда выходившій по тому или иному дѣлу лакей снова возвращался въ комнату. Еще тяжелѣе было послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха снова надѣвать маску...

Къ тому времени, какъ было убрано со стола. въ комнату вошла горничная, съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ. Она была, очевидно, молода, но выглядѣла старой. Отъ постояннаго пребыванія въ комнатахъ съ искусственнымъ освѣщеніемъ ея лицо было необыкновенно блѣдно. Она принесла воду, прибавила дровъ въ печку и освѣдомилась

Ю. А.

М. Арцыбашевъ выразился: „Мнѣ только царь Соломонъ по плечу!..“

о господъ, не нужно ли еще чего нибудь. Она говорила учень слащавымъ голосомъ, но, казалось, ея лицо горѣло ненавистью къ тѣмъ, кто повелѣвалъ ею, кто являлся сюда для удовлетворенія своихъ самыхъ низменныхъ инстиктовъ.

При видѣ этой женщины у Лукардіи задрожали ноги,— и ей вдругъ стало стыдно своихъ, ногъ, своихъ рукъ, своей шеи, плечъ,—всего тѣла. Но, наконецъ, миновало и это испытаніе.

Они остались наединѣ. На башенныхъ часахъ пробило десять ударовъ. Надинскій перешелъ въ другую комвату, гдѣ подъ голубымъ шелковымъ балдахиномъ стояла двуспальная кроватъ. Онъ безъ силъ упалъ на постель, и лишь спустя четверть часа Лукардія могла помочь ему раздѣться. Покрытый одѣяломъ до груди, онъ лежалъ предъ ней съ обнаженной грудью.

«И это человѣкъ!»—промолвила вдругъ про себя Лукардія и съ выступившими на глазахъ слезахъ почему то подумала о своемъ здоровомъ, краснощекомъ женихѣ, Александрѣ Михайловичѣ.

Она промыла раны Надинскаго и перемѣнила перевязки. Точно въ полуснѣ, и какъ нѣжное благоуханіе, онъ почувствовалъ прикосновеніе женской руки. Онъ не былъ въ состояніи поблагодарить ее. Къ тому же, онъ боялся ея взгляда, боялся своего собственнаго взгляда, въ которомъ дѣвушка могла бы прочесть что нибудь обидное для себя. Онъ жаждалъ только одного: чтобы Лукардія смотрѣла на него, какъ на неодушевленное тѣло, какъ на предметъ, лишенный лица и чувствъ.

Когда онъ заснулъ Лукардія сѣла рядомъ съ нимъ. Она взяла въ руки книгу хотя знала, что не сможетъ читать. Она пыталась думать о матери. объ отцѣ, знакомыхъ, подругахъ, послѣднемъ балѣ, недавно слышанной оперѣ. Но всѣ ея попытки ни къ чему не привели. Все въ головѣ путалось, свивалось въ тяжелый, мучительный узелъ.

Она слышала дыханіе Надинскаго, видѣла его блѣдное лицо,—но и этотъ человѣкъ, къ которому она была приставлена, оказался внѣ предѣловъ ея мыслей. Она сама находила это очень страннымъ. Ей казалось, что отъ его постели ее отдѣляетъ пространство въ нѣсколько миль. Вдругъ она стала прислушиваться, и ей почудился заглушенный смѣхъ и крадущіеся шаги по корридору. Сквозь стѣны, потолокъ и полъ, заглушенные, проникали мужскіе и женскіе голоса. Звенѣли стаканы. Вдругъ заиграли на рояли.

Играли вальсъ. Очевидно, одна струна лопнула, потому что каждый разъ на извѣстномъ мѣстѣ чувствовался какой то провалъ,—точно дупло въ зубѣ смѣющагося человѣка.

Откуда то донесся крикъ, и рояль смолкъ. Въ то же мгновеніе за лѣвой стѣной послышался шорохъ, смѣнившійся стономъ, отъ котораго у нея застыла кровь въ жилахъ.

Гдѣ то хлопали двери. Разнородные звуки вызывали въ головѣ Лукардіи одни и тѣ же представленія, отъ которыхъ она никакъ не могла избавиться.

Такой—она никогда не представляла себѣ жизнь! Она даже не понимала подобной жизни! Чуждые до этого момента, люди вдругъ сходятся такъ близко, такъ страшно близко... Они протягиваютъ другъ къ другу руки, переплетаются пальцами, намѣренно доводитъ себя до опьяненія, видятъ свои изображенія въ огромныхъ зеркалахъ и все же съ помощью безстыдныхъ словъ вырабатываютъ такое же безстыдное соглашеніе... Сорваны всѣ покровы съ невѣдомаго. Безъ всякаго содержанія оказывается загадочное и таинственное. Осквернена святыня, обезцѣнены лучшія сокровища, чудесныя созданія фантазіи!..

Лукардія схватилась за лицо, почувстновала румяна на щекахъ, и все ея существо наполнилось ужасомъ.

Надинскій открылъ глаза и застоналъ. Лукардія прошла пространство въ нѣсколько миль и подала больному стаканъ воды. Она дотронулась до его лба и, найдя его горячимъ, положила холодный компрессъ. Тогда Надинскій окончательно проснулся и началъ говорить о клиникѣ, о профессорѣ, объ Анастасіи Карловнѣ. Онъ говорилъ короткими фразами, которыя иногда прерывались еще болѣе короткими, точно робкими репликами Лукардіи.

— Завтра я почувствую себя настолько сильнымъ, что мы сможемъ уѣхать отсюда,—сказалъ онъ.

— Это невозможно,—возразила она.—У васъ жаръ... Къ тому же, Анастасія Карловна ждетъ васъ только послѣ завтра, къ семи часамъ вечера.

Эти тихо и кротко произнесенныя слова въ одинъ мигъ и какимъ то невѣдомымъ образомъ освѣтили предъ нимъ всю ея душу,—ея безоблачную юность, ея чистыя и нѣжныя чувства и переживанія. Онъ не замѣтилъ при этомъ, какъ она дрожитъ.

Брызжущій густымъ провинціальнымъ юморомъ разсказъ М. Кузьмина „Капитанскіе часы" читается съ превеликимъ удовольствіемъ.

Юморъ мягкій и теплый, бездна наблюдательности и прекрасный слогъ—превращаютъ пустой провинціальный анекдотъ въ изящное литературное произведеніе.

ТО ЧЕГО МЫ НЕ УЗНАЕМЪ.

Слезкинъ занятный разсказчикъ.

Фабула его разсказовъ почти всегда нарядна, нѣсколько неестественна, но любопытна.

Въ первомъ разсказѣ, напримѣръ, компанія кутилъ подъ пьяную руку заходятъ въ бюро похоронныхъ процессій, заказываютъ гробъ, даютъ первый подвернувшійся въ голову адресъ.

И что же оказывается какъ разъ въ указанной ими квартирѣ - покойникъ,—дѣвушка съ золотыми волосами.

И—мало того—эта дѣвушка въ жизни одного изъ кутилъ сыграла въ свое время роковую роль.

Это совпаденіе такъ потрясло кутилу, что онъ—покончилъ съ собой.

Сказка.

Но развѣ въ сказкахъ непремѣнно должны быть Красныя Шапочки, волки, чертовщины.

Современный сказочникъ можетъ и не трогать арсенала братьевъ Гриммовъ и изъ предметовъ первой необходимости, изъ простыхъ вещей и лицъ плести занятную сказку.

Такимъ сказочникомъ является и Слезкинъ.

ПОВѢСТЬ О МОЕЙ ЛЮБВИ.

Н. А Росницкій издалъ безхитростную книгу своихъ первыхъ любовныхъ стиховъ.

Вѣроятно онъ молодъ и какъ человѣкъ (—какъ поэтъ, то онъ совсѣмъ молодъ).

Но со временемъ изъ него можетъ выйти путное.

Ночь. Вспышки гаснущихъ зарницъ.
Твой взоръ довѣрчиво-влюбленный,
Стыдливость трепетныхъ рѣсницъ.
Улыбки вызовъ вдохновленный.
Твое порывистѣй дыханье,
И ближе сладость первыхъ мукъ,
И нестерпимѣй жажда рукъ,
И проницательнѣй молчанье.
Безсвязнѣй тайныя мечты.
Нѣмѣй привычныя движенья,
И странно чужды—я и ты
Предъ тайной перваго сближенья.

Финальная пара строкъ—глубока.

А въ другомъ стихотвореніи прекрасна первая пара строкъ:

Ночь—какъ монахиня нагая,
Ты какъ блудница подъ вѣнцомъ,
И съ зачарованнымъ лицомъ
Ты непонятно мнѣ чужая.

Много тривіальнаго.

Много такого, чего ни за что не запомнишь,—такъ плоско, что памяти не за что уцѣпиться. Но эта пара строкъ задѣваетъ вниманіе.

И будитъ надежду, что изъ автора выйдетъ толкъ.

Запомнимъ еще куплетъ изъ „Ночной пѣсни:

Берегъ тихъ и теменъ.
Жутко въ камышахъ.
Ярче сердца вспомнишь
О минувшихъ дняхъ.

Вотъ и все.

И. М. Грабовскій «Испанка».

Почтовый ящикъ.

70) **В. Засловскому**.— Дворецъ цвѣтовъ — не выдержанъ по стилю. „Коля“ — черезъ чуръ прямолинеенъ, наивенъ.

71 **Константину Грекову**. Очень много напыщенной миѳологіи.

Я стою въ узлѣ дорогъ туманныхъ
У лагунъ мертвенныхъ и обманныхъ.

Какъ это прочитать? „Слѣдъ рока“ талантливо написанъ. Но не для печати. Зайдите. Потолкуемъ.

72) **Д. Гэ.**—Пошловато

Скажи мнѣ, дѣва молодая,
Скажи мнѣ это, не шутя,
Скажи статуя ледяная
Зачѣмъ сгубила ты меня?

Теперь уже такъ и писаря не пишутъ.

73 **Н Бѣлопольскому**.—Вы пишите:

Мнѣ подъ ихъ гнетомъ, охъ! тяжко дышать...

Такіе стихи „охъ! тяжко читать“.

74) **Мих. Ульянинцеву**.—Только безплатно.

75) **С. Никитину**.—Пришлите что нибудь другое.

76) **Изнарскому**.—Нѣтъ.

77) **Дарѣ Одинокой**.—Даже для почтоваго ящика ваши стихи въ тягость.

Пускай жестоко мы умремъ,
Пускай засыпятъ насъ землей, —
Но на землѣ мы поживемъ,
Счастья увидимъ съ тобой.
Пусть тамъ, въ землѣ
Будетъ и душно, темно,—
Здѣсь я въ тебѣ
Солнце видала ярко.
Пускай не будемъ тамъ жить,
Пусть закроемъ навѣки глаза,—
Здѣсь мы умѣли любить...

Нѣтъ, вы неумѣли любить. Иначе бы не писали такихъ плоскихъ, нудныхъ, безсолнечныхъ стиховъ.

78) **С. Васюку**.—Все перепереперепепѣвы. И не талантливые:

(Посвящается В. П-чъ).

Чуть сомкну я глаза—предо мною опять
Ты являешься съ нѣжной улыбкой твоей,
И пріятно и сладко тебя вспоминать...
Не одинъ я, мечтая, въ постели своей!
А проснусь—все темно... и постель холодна...
И твой образъ куда-то уплылъ далеко...

79) **Рабочему М. М—ву**.—Вамъ надо еще много читать. А уже потомъ переходить на письменность“.

ХОЗЯЙЧИКЪ.

Оборвалось что-то такъ нежданно разомъ
Хладнокровнымъ словомъ отъ труда отказомъ
Подозвалъ въ конторку, стукнуло сердечко;
«Больше мнѣ не нуженъ поищи мѣстечко.
Какова-жъ причина? да причинъ-то много
Главная-жъ дѣтина, что работалъ долго.
Вонъ мой другъ Кирюха нажилъ ужъ домишко
Потолщело брюхо. У меня-жъ нѣтъ лишка,
Я концы съ концами лишь сводить умѣю,
Не богатъ деньгами, дома не имѣю.
Я узналъ сегодня домъ есть подходящій
Ну! еще бы сотня и я не пропащій.
Вотъ тогда Кирихѣ я-бы далъ напится,
Обогналъ онъ въ брюхѣ домъ-жъ куда годится.

Рабочій М. М-въ.

80) **А. Я. Чухину**.—

„Авторъ прилагаемыхъ писемъ стихотвореній—13-ти лѣтняя воспитанница одной изъ Спб. гимназій.

Представляя эти стихотворенія, по ея просьбѣ, на Вашъ судъ, прошу высказать свое мнѣніе о нихъ на страницахъ „Весны“.

У дѣвочки несомнѣнно есть талантъ. Ибо она вся во власти прочитаннаго.

ЛѢСНЫЯ ФЕИ.

Мы живемъ въ большомъ лѣсу
Знаемъ прелести красу
Мы прекрасны и нѣжны
И собою всѣ стройны.
Ночью водимъ хороводы
Въ честь отца поемъ мы оды,
А отецъ король лѣсной
Онъ старикъ, но очень злой.
Мы прикрыты легкой фiерой
На власахъ съ златой короной.
Въ изумрудахъ, жемчугахъ.
И прекрасныхъ бирюзахъ.
Лучше всѣхъ одна изъ насъ
Не отвелъ съ нее-бы глазъ.
Очи здѣздочки ночныя
Кудри точно золотые
Всѣхъ нѣжнѣй изъ насъ она
И прозрачна, какъ луна.
Голосъ тонкій серебристый
Взглядъ прекрасный и лучистый.
Часто съ нами ты играешь
Розы нѣжныя срываешь
И несешь къ фонтану ихъ
Въ тонкихъ вазахъ золотыхъ.
Бьютъ фонтаны разливаясь
И о мраморъ разбиваясь
Быстро внизъ бѣгутъ ручьемъ.
Чистымъ и живымъ ключемъ.
Ко дворцу ведутъ аллеи,
А прекрасныя лилеи
Нѣжно чашечки раскрывъ
И дыханье затаивъ
Тихо въ музыку играютъ
Короля всѣ прославляютъ
А король сидитъ на тронѣ
Въ изумрудной онъ коронѣ
И съ густою бородой.
Взглядъ его сердитый, злой.
Мы поемъ предъ нимъ, рѣзвимся
Въ хороводахъ веселимся
Лишь грустна она одна
Молчалива и блѣдна.
Вотъ король къ себѣ позвалъ
Тихо что-то ей сказалъ,
А она ому въ отвѣтъ
Гордо отвѣчаетъ «нѣтъ!»
Хочешь, дамъ хрустальный замокъ
Много слугъ, служанокъ, мамокъ.
Хочешь все отдамъ тебѣ
Только услужи ты мнѣ
Будь веселой и прекрасной
И забудь о всемъ ненастіи
Что тревожитъ такъ тебя
Не могу понять все я?
—Нѣтъ богатствъ я не хочу
Только я одно прошу
Отпусти ты ихъ на волю
И не мучь—ты такъ людей
Вѣрь, я буду веселѣй!
--Посмотри ты сколько грозъ,
Сколько горькихъ тяжкихъ слезъ
Тамъ война, тамъ люди мругъ
И о помощи зовутъ.
А у насъ идетъ веселье
Все тебѣ, въ утѣшенье.
Я пойду ихъ утѣшать
Грезы милымъ навѣвать.—
И король поникъ главою
Шевеля слегка брадою
Понялъ всѣхъ словъ правду онъ
И забылъ свой даже тронъ.

Вѣра Козлова 13 л.

Эта вещичка интересна какъ „человѣческій документъ“ 13-лѣтней дѣвочки.

81) **Н. Лубнину**.—„Въ вагонѣ“ будетъ напечатано въ № 4.

82) **Сергѣю Шапошникову**. Не все.

83) **В. Пахомову**. Надо разобраться; кое что изъ этого, кажется, уже шло въ „Веснѣ“.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ**.
Издательница **Н. К. Дмитріева**.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОСТОКВАША.

Проснулся отъ робкаго стука въ дверь.

— Можно войти? Докторъ пришелъ.

— Пожалуйста!

Я хотѣлъ привстать, но повязки крѣпко стягивали тѣло.

— Тише, тише... Вы всѣ записи испортите!— произнесъ хорошенькій бѣлокурый мальчуганъ лѣтъ десяти:—Развѣ можно такъ...

Тутъ я замѣтилъ, что мои повязки—не обыкновенные бинты, а какіе-то странные.

Отъ нихъ къ стѣнѣ идутъ какія то гуттаперчевыя трубочки, какія то проволочки, какія то тесемочки. Концы всѣхъ этихъ связокъ сходятся на стѣнѣ у какого то прибора похожаго на часы.

Нѣсколько стрѣлокъ ходятъ по концентрическимъ циферблатамъ и указываютъ каждая свою цифру.

Мальчикъ—я понялъ, что это и есть докторъ—спокойно подошелъ къ этому аппарату вынулъ свою записную книжку и занесъ въ нее нѣсколько цифръ, какъ это дѣлаютъ завѣдующіе электрическимъ освѣщеніемъ, провѣряющіе счетчикъ.

— Недурно! Очень недурно! Я могу васъ поздравить! И температура! И пульсъ! И анализъ мочи! И самочувствіе... Вамъ завтра же можно будетъ встать... Только подкопите еще М-лучей и N-лучей...

— Позвольте! Но какъ же вы все это угадали! Вы не ставили мнѣ градусника! Вы не держали меня за руку! Вы не просили меня показать вамъ языкъ!

— Зачѣмъ же мнѣ все это, когда у меня передъ глазами морбоскопъ. Когда я стану идіотомъ, лѣтъ черезъ восемь, я тоже буду требовать чтобы больной мнѣ показывалъ языкъ. А теперь мнѣ достаточно взглянуть на циферблатъ мочи, на циферблатъ температуры, на циферблатъ сердца и пульса, на циферблатъ вѣса, испарины и аппетита и я имѣю полную картину исторіи болѣзни за сутки...

Видя, что я чрезвычайно заинтересовался морбоскопомъ мальчикъ любезно объяснилъ мнѣ его устройство.

Оказывается больной весь опутанъ, какъ щупальцами концами чувствительнѣйшихъ приборовъ изъ которыхъ нѣкоторые и у насъ въ Германіи употребляются, но не въ медицинѣ.

Для опредѣленія работы сердца и дыханія приспособлена система, чувствительнѣйшихъ сейсмографовъ и нѣчто въ родѣ диктовальной машины.

Карандашикъ сейсмографа чертитъ двѣ кривыя—дыханія и сердцебіенія.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ амплитуда колебанія вдругъ дѣлаетъ бѣшеные скачки:

— Что это значитъ? Отчего могло такъ сотрястись мое тѣло?

— Успокойся идіотъ-иностранецъ,—съ улыбкой произнесъ докторъ:—вотъ послушай...

Онъ поднесъ мнѣ къ уху трубочку соединенную съ докторомъ и я услышалъ здоровое

— Чихъ!

— Ты слышишь... Бурю въ сейсмографѣ, бурю, похожую на изверженіе вулкана, вызвало самое простое чиханіе... А вотъ еще буря... Послушай еще и ты будешь смѣяться!..

Онъ опять приложилъ мнѣ къ уху трубку диктофона и я не могъ не покраснѣть и не расхохотаться:

— Неужели это я!..

— Мало ли что бываетъ во снѣ...

Нашъ аппаратъ безстрастный лѣтописецъ... Изъ болѣзни звука не выкинетъ...

Для опредѣленія испарины и вообще влажности воздуха приспособленъ гигроскопъ.

Термометръ, остроумнѣйшимъ образомъ, автоматически записываетъ весь ходъ температуры за сутки, а не такъ какъ у насъ только въ опредѣленные часы.

Но всего остроумнѣе устроенъ аппаратъ, производящій анализъ мочи.

Вся моча больного проходитъ по трубкѣ, черезъ систему химическихъ и механическихъ фильтровъ, какъ у насъ въ городской ассенизаціонной станціи, и постепенно очищаясь отъ всевозможныхъ осадковъ, въ концѣ концовъ, выливается изъ крана аппарата въ стеклянную миску въ видѣ кристаллически чистой воды.

Ее можно пить.

Это самая лучшая стерилизація. Да ты и пилъ ее, идіотъ иностранецъ, потому что больныхъ мы предпочитаемъ поить ихъ собственной водой. Осадки соли и иныя составныя части химически или механически отдѣлившись отъ жидкости собираются вотъ сюда и сюда...

Тутъ автоматически взвѣшиваются, высушиваются, прессуются и въ видѣ кубиковъ выпадаютъ вотъ въ это отверстіе. По количеству и качеству этихъ кубиковъ мы опредѣляемъ работу почекъ... Такъ же просто и наглядно устроенъ у насъ и фекалепроводъ.... Почему тебя удивляетъ это... Какъ же иначе безъ движенія, привязанный къ морбоскопу могъ бы ты четыре дня провести въ кровати!..

Я съ восхищеніемъ глядѣлъ на ребенка такъ серьезно и просто объясняющаго мнѣ сложнѣйшій, остроумнѣйшій аппаратъ.

Онъ показалъ мнѣ мой скелетъ—снимокъ съ помощью рентгеновскихъ лучей, сдѣланный имъ на всякій случай.

— Вѣдь ты упалъ съ воздушнаго живота!

Меня страшно заинтересовало кѣмъ изобрѣтенъ морбоскопъ.

— Неужели дѣтьми! Мнѣ Эакъ говорилъ, что только дѣти занимаются въ Идіотіи науками и изобрѣтеніями.

-- Да, онъ правъ. Взрослымъ идіотамъ не до того. У нихъ много времени занимаетъ простоквашный кодексъ и вообще ниже ихъ достоинства шевелить мозгами. Но было бы несправедливостью сказать, что морбоскопъ всецѣло изобрѣтеніе дѣтскаго ума. Онъ перешелъ къ намъ отъ тѣхъ доисторическихъ временъ, когда Идіотія еще не существовала, а на ея мѣстѣ находилась Страна Чистаго Разума. Въ тѣ времена, когда разумъ еще не скомпрометировалъ себя окончательно, міромъ управляли мудрые старцы. Они занимались науками искусствами и оставили послѣ себя много полезнѣйшихъ изобрѣтеній и библіотекъ полныхъ мудрыхъ книгъ. Они то между прочимъ изобрѣли морбоскопъ. А мы, дѣти, только кое въ чемъ его усовершенствовали.

— Значитъ во времена доисторическія у васъ въ Идіотіи существовала богатѣйшая культура!

— Нашъ молодой археологъ Чейякъ утвер-

ждаетъ, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Помидора на глубинѣ трехъ десятыхъ простоквашъ найдена проволока. Это значитъ что наши предки уже семь столѣтій назадъ имѣли проволочный телеграфъ. Другой нашъ археологъ Щайеакъ изъ того факта, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Сливы на глубинѣ четырехъ съ половиной простоквашъ не найдено проволоки, утверждаетъ, что нашимъ предкамъ еще девять вѣковъ тому назадъ былъ извѣстенъ безпроволочный телеграфъ. Да, культура была богатѣйшая, но жалѣть о томъ, что время тиранніи Разума прошло не приходится...

— Почему?

— Потому что при господствѣ Разума развѣ людямъ жилось бы такъ хорошо, какъ въ благословенной Идіотіи...

— Можетъ быть жилось бы лучше!

— Что ты, что ты, идіотъ-иностранецъ! Ужъ не начинаешь-ли ты бредить! Да развѣ ты не знаешь, что Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми совершенно, скомпрометировался. Развѣ ты не знаешь что всѣ побѣды, всѣ изобрѣтенія ухищренія Разума не стоятъ одного открытія, одного геніальнаго изобрѣтенія, которымъ осчастливила міръ глупость!..

— Что это за изобрѣтеніе?

— Про-сто-ква-ша! — мальчикъ словно выросъ, съ горделивымъ смокованіемъ произнося это слово, очевидно влагая въ него какой-то особый внутренній смыслъ...

Я хотѣлъ было возразить:

— Простокваша пріятное и полезное кушанье, но...

Мальчикъ испуганно вскочилъ и прервалъ меня:

— Властью доктора я запрещаю больному идіоту-иностранцу говорить!.. Ему вредно!..

И быстро вставъ онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Сода, изъ аптеки вамъ пришлютъ порошки и пилюли. Пусть больной ихъ приметъ въ три простокваши по тыквѣ... Не безпокойте его безъ нужды, а главное не тревожьте его разсказами и не мучайте его разспросами о диковинной странѣ откуда онъ прилетѣлъ.

Я остался одинъ буквально подавленный бесѣдой съ геніальнымъ мальчикомъ.

ПЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Неужели я въ самомъ дѣлѣ въ странѣ идіотовъ!

Напротивъ мнѣ кажется, что я въ странѣ геніевъ,— такъ мудры и практичны здѣшніе дѣти.

У насъ на родинѣ такой мальчуганъ, какъ этотъ докторъ, или тотъ Эакъ, или даже эта Сода прогремѣли-бы какъ небывалые вундеркинды!

Что-же представляютъ изъ себя вундеркинды здѣсь, если обыкновенныя дѣти такъ восхитительны!

Я началъ раздумывать надъ нѣкоторыми фразами доктора. Что значитъ фраза:

„Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми скомпрометировалъ, себя!"

Развѣ не разумъ сдѣлалъ всѣ открытія и изобрѣтенія, которыми гордится человѣчество!

Вѣдь мы были бы дикарями, если бы не разумъ.

Не живутъ-же дикарями здѣшніе жители.

Напротивъ, я вижу какъ высока ихъ культура.

У насъ еще не додумались до морбоскопа, какъ не додумались до солнечнаго камина, который сейчасъ такъ сладостно грѣетъ мою комнату.

Я разглядѣлъ, на сколько это можно было, не двигая тѣла, устройство его и понялъ его принципъ и прихожу въ восхищеніе отъ практичности. Окна моей комнаты громадныя круглыя. Въ нихъ вставлены двояко выпуклыя стекла.

Солнце глядится ко мнѣ сквозь громадныя лупы. Оно свѣтитъ ярко, но я не могу разглядѣть высоко-ли оно, низко-ли быть можетъ только что встало, быть можетъ находится въ зенитѣ.

Лучи его проходятъ черезъ луну собираются въ фокусъ. Фокусы всѣхъ трехъ лунъ —(въ этой комнатѣ три окна) направлены въ одну точку по срединѣ комнаты и падаютъ на небольшой не то очагъ, не то жертвенникъ.

Отъ нагрѣтой тремя фокусами плиты жертвенника и исходитъ та пріятная равномѣрная теплота „которой я наслаждаюсь сейчасъ.

До такихъ оконъ въ Европѣ еще не додумались. Правда сквозь нихъ не видно того, что дѣлается на улицѣ, но за то не видно и съ улицы того, что дѣлается въ комнатѣ.

Во сколько разъ это практичнѣе матовыхъ стеколъ, которыя вставляются у меня на родинѣ, чтобы скрыться отъ посторонняго любопытства.

На солнечномъ жертвенникѣ, какъ на керосинкѣ можно въ пять минутъ вскипятить воду и изжарить что угодно.

Только нѣтъ копоти керосинной, нѣтъ траты на керосинъ, нѣтъ опасности пожара!

Ту тепловую энергію, которая собирается въ комнатѣ, идіоты употребляютъ для приведенія въ движеніе маленькаго моторчика, вполнѣ достаточнаго для исполненія всевозможныхъ домашнихъ работъ.

Развѣ Глупость, а не Разумъ додумался до этого солцемотора!

Нѣтъ, Эакъ долженъ объяснить мнѣ почему они считаютъ Разумъ скомпроментированнымъ.

Я позвалъ Эака.

ШЕСТАЯ ПРОСТОКВАША.

Отозвалась Сода:

— Эака нѣтъ. Онъ на демонстраціи. Мы не такъ богаты, чтобы имѣть собственный кинетофонный проводъ и ему приходится ходить къ сосѣду мальчику Стреаку, чтобы слушать лекціи и разсматривать на экранѣ то, что демонстрируетъ лекторъ. Что тебѣ, идіотъ иностранецъ, быть можетъ я могу тебѣ замѣнить Эака.

Ангельское, чистое невинное хорошенькое личико дѣвочки такъ не вязалось съ прозаическимъ именемъ которое она носила.

— Я думаю, милая Содочка, что ты не сможешь отвѣтить на тотъ философскій вопросъ, какой мнѣ хочется предложить Эаку.

— Тогда я и не отвѣчу. Изъ философіи у меня хорошія отмѣтки. Можетъ быть я сумѣю тебѣ быть полезной.

Сода говорила такъ серьезно, такъ дѣловито, такъ взросло, что я почувствовалъ себя съ ней на равной ногѣ.

Юр. Анненковъ «Семейная драма».

— Видишь-ли милая Сода, меня поразила фраза доктора: „Разумъ за тысячелѣтія управленія людьми совершенно скомпрометировался"...

— Ну да... Это такъ ясно...

— Какъ ясно! Да вѣдь всѣ тѣ открытія и изобрѣтенія, которыми вы пользуетесь сейчасъ— произведены Разумомъ! Вдумайся въ исторію культуры — вся она сплошное побѣдоносное шествіе Разума къ его апогею.

Въ чемъ же онъ скомпроментированъ?

— Въ главномъ...

— Но главное и есть сумма тѣхъ открытій и изобрѣтеній, которыми мы пользуемся...

— Главное не въ этомъ.

— А въ чемъ-же?

— Въ счастьи!

— Но вѣдь всѣ открытія и изобрѣтенія и ведутъ къ счастью!

— Какъ ты заблуждаешься идіотъ—иностранецъ. Напротивъ всѣ открытія и изобрѣтенія

и всѣ вмѣстѣ и каждое по отдѣльности вели, какъ учитъ насъ исторія къ несчастью. Съ каждымъ изобрѣтеніемъ людямъ становилось тяжелѣе жить. Каждая новая машина отнимала кусокъ хлѣба у сотенъ тысячъ рабочихъ... Съ каждымъ открытіемъ открывались тысячи тысячъ голодныхъ ртовъ! Съ каждымъ годомъ становилось все сложнѣе, все тѣснѣе и труднѣе жить. Дошли до того что жизнь стала труднѣе смерти. Да, какой ужасъ! Смерть стала легче жизни И тысячи человѣкъ ухватились за смерть какъ за желанную избавительницу отъ тираніи Разума. Они задыхались въ оковахъ хитросплетенныхъ сѣтей и капкановъ Разума. И человѣчеству грозила гибель посредствомъ всеобщаго, тайнаго, равнаго самоубійства. Если бы не явилась во время великая избавительница отъ несчастія— Глупость. Она подарила міръ изобрѣтеніемъ, передъ которымъ меркнутъ всѣ изобрѣтенія Разума. Она привязала человѣчество къ жизни, она заставила полюбить жизнь... Я говорю, конечно, о простоквашѣ...

Она отрада идіота,
Она опора патріота—
Полуѣда-полупитье,—
Все наше скрасила житье!..
Питаться можно ей безъ хлѣба!
Рази того проклятье неба,
Кто предпочтетъ ей варенецъ,—
Всѣхъ золъ и горестей вѣнецъ!..

Дѣвочка говорила такъ гладко, что я заподозрилъ: не читаетъ ли она свою проповѣдь наизусть.

Словно угадавъ мои мысли, Сода скромно добавила:

— Я только вчера въ школѣ писала сочиненіе на эту тему... Если хочешь я могу подтвердить мои мысли цитатами изъ твореній нашихъ лучшихъ глупителей...

Я кивнулъ головой. Мнѣ было интересно ознакомиться съ научными данными въ защиту теоріи Глупости.

Дѣвочка даже обрадовалась, что ей на долю выпала такая отвѣтственная миссія и начала какъ горохъ сыпать зазубренными страницами „объяснительнаго чтенія“.

СЕДЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

— Великій глупитель эпохи розовой простокваши Щхжзыйшгпрсцчнуэакъ Содовичъ-Хиновичъ въ своемъ сочиненіи „Критика чистой простокваши“ изрекъ:

Млеко пріяла Глупость наша
И сотворися Простокваша
И воцарися благодать
Какой мы смертны тщились ждать.
Но се явися Умъ-щенецъ
Въ млеко кипное вергъ сметану
И на потѣху вражью стану
Создалъ блевотный варенецъ!

„*Млеко*“—такъ называется молоко изъ котораго предположено дѣлать простоквашу. Простоквашу можно дѣлать изъ молока любого животнаго. Но преимущественно для этой высокой цѣли употребляется молоко бѣлыхъ коровъ. Самый лучшій сортъ простокваши называется „фрау-мильхъ-простокваша“. Она употребляется для питанія высшихъ глупителей государства и изготовляется изъ женскаго молока первородящихъ блондинокъ. Фрау-мильхъ-простоквашу полезно давать больнымъ дѣтямъ. „*Пріяла*“— приняла, взяла, поставила. Для изготовленія простокваши берется чистое, цѣльное, свѣжее молоко и ставится въ полутеплое огражденное отъ всякихъ случайностей мѣсто. Великая тайна претворенія млека въ простоквашу происходитъ сама собой. Глупость человѣческая должна умиленно взирать на это непостижимое чудо и заботиться только объ одномъ какъ бы не потерять основъ, на коихъ покоится готовое претвориться въ простоквашу млеко. Отъ потрясенія основъ происходитъ величайшее несчастіе: млеко можетъ отрыгнуть и получится *сыворотка изъ подъ простокваши*. Во избѣжаніе этого ужаснаго несчастія фундаменты подставокъ, на коихъ покоятся простоквашные сосуды врываются глубоко въ землю, а самое дѣло изготовленія простокваши въ государствѣ поручается особымъ людямъ прославившимся своею осторожностью—чиновникамъ министерства осторожности. „Глупость“— это священное слово объединяетъ и спаиваетъ идіотовъ въ одну счастливую, милую, вѣчную, непобѣдимую простоквашную семью. *Наша*—ибо мы съ гордостью можемъ сказать, что на всемъ земномъ шарѣ мы самые глупые люди. Вся исторія нашего народа есть сплошное и побѣдоносное шествіе къ вѣчной безграничной, всеобъемлющей, всемогущей Глупости. Во времена доисторическія на мѣстѣ Идіотіи находилась страна Чистаго Разума. Наши музеи, библіотеки и раскопки свидѣтельствуютъ о томъ, что теперь лишь дѣти могутъ всерьезъ интересоваться тѣми достиженіями которыми нѣкогда кичились мудрецы. „И“—союзъ. Великій глупитель эпохи голубой простокваши Здкшсумнстпрящвацэакъ Буровичъ Содовичъ въ своемъ сочиненіи „Простоквашнизація народовъ“ говоритъ о союзахъ...

Тутъ я прервалъ дѣвочку:

— Что за странныя имена у вашихъ философовъ?

— А что?

— Да ихъ не выговоришь натощахъ!

— Сода улыбнулась.

— Ахъ, я понимаю твой намекъ! Ты еще ничего не ѣлъ! Хочешь я съ ложечки покормлю тебя простоквашей?

— Я вовсе не къ тому! Просто мнѣ странно слышать такое скопленіе труднопроизносимыхъ согласныхъ... У меня на родинѣ отъ имени требуютъ чтобы оно было коротко и звучно...

— А если это заслуженный человѣкъ?

— При чемъ тутъ заслуги. Развѣ онѣ отражаются на имени!

— А у насъ за каждую заслугу, которую человѣкъ оказываетъ государству къ его имени прибавляютъ букву. Когда родится мальчикъ его называютъ Акъ. Окончивъ школу нисшаго ранга онъ получаетъ первую букву. Въ прошломъ году мой братъ получилъ Э и его зовутъ теперь Эакъ Хиновичъ Содовичъ... А отца моего зовутъ Бржшзойэакъ Буровичъ Рициновичъ... Онъ получилъ уже восемь буквъ за свои стихи!..

— Позволь... Твоего папу зовутъ Бржъ... не могу выговорить... а твоего брата ты величаешь Эакъ Хиновичъ... Почему Хиновичъ? Вѣдь отца зовутъ не Хиной?..

— Ха-ха-ха!.. Какой ты смѣшной!.. Хиной зовутъ мою маму... Это по мамашѣ онъ Хиновичъ...

— Такъ развѣ у васъ зовутъ не по отчеству?

— Ну конечно по матушкѣ... Вѣдь mater semper certa est *)... А у васъ?

— У насъ по батюшкѣ...

— Но pater semper imertus est **)?!. Какъ же вы по ступаете когда отецъ не извѣстенъ...

— Такіе случаи у насъ рѣдки... И въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ именуютъ по пріемному отцу, по крестному, по отчиму...

— А у насъ къ имени матери прибавляютъ еще и имя бабушки... Я напримѣръ Сода Хиновна Содовна, потому что мою бабушку звали тоже Содой... Сода Горчишковна Мятовна. . Не правда ли какія прекрасныя имена...

— Почему только они всѣ аптечнаго происхожденія?

— Великій глупитель эпохи желтой простокваши Шквщипрнымужздсчайэакъ Солевичъ Самуиловичъ изрекъ. „Женщина для мужчины то же что лѣкарство для больного“. . Когда мужчина заболѣваетъ болѣзнью, которая называется *любовью*, приходитъ врачъ спеціалистъ и прописываетъ ему какую нибудь Хиночку, Салицилочку, Содочку, Рициночку...

— И тебя пропишутъ!

— Ну, конечно, и меня пропишутъ, и тогда я сдѣлаюсь идіоткой...

— Но развѣ любовь болѣзнь.

— Ну конечно. И самая опасная! Повышеніе температуры, сердечныя пертурбаціи, исхуданіе, отсутствіе аппетита даже къ простоквашѣ, сбивающаяся рѣчь, блуждающіе, ищущіе глаза... О, у насъ въ школѣ прекрасно изучаютъ эту болѣзнь... Это опасная болѣзнь, но и благороднѣйшая изъ болѣзней, потому что приближаетъ къ идіотизму... Юноша, чтобы сдѣлаться настоящимъ, взрослымъ, заправскимъ идіотомъ долженъ непремѣнно заболѣть любовью... Это какъ оспа, какъ корь... Только оспу и корь у насъ врачи умѣютъ прививать, а сыворотка любви до сихъ поръ еще не изучена.

— А женщины! Развѣ любовь болѣзнь только мужская!

— Любовь болѣзнь мужская, но она очень заразительна и женщина почти всегда заражается отъ мужчины. Черезъ любовь и женщины быстрѣе становятся идіотками.

Эта очаровательная дѣвочка лѣтъ четырехъпяти на видъ болтала со мной какъ равная, какъ взрослая. У нея даже появился какой то учительскій тонъ.

— Однако я заболталась и забыла опять о простоквашѣ. Сейчасъ изъ аптеки пришлютъ порошки. То ихъ и принять въ простоквашѣ. Ну теперь, слава дежурному, ты скоро совсѣмъ оправишься. Докторъ позволилъ завтра же снять съ тебя морбоскопъ... И ты сможешь выйти въ другія комнаты и даже на улицу... На улицѣ ты увидишь много-много дѣвочекъ... Смотри... Не захворай... любовью...

Я засмѣялся:

— Да развѣ я, взрослый могу влюбиться въ маленькую дѣвочку... Это было бы съ моей стороны слишкомъ глупо!

— Вотъ именно! Слишкомъ глупо.. Нашъ великій глупитель эпохи теплой простокваши Прѣзмнужзнычкдбіякъ Щелочевичъ Кислотовичъ сказалъ: „Любовь это первая ступень лѣстницы которая ведетъ къ полному идіотизму“...

Я замѣтилъ, что Содочка особенно оживилась и похорошѣла, когда заговорила о любви. Ея глазенки засверкали и губки приняли кокетливый оттѣнокъ.

— А развѣ у васъ на родинѣ влюбляются не въ маленькихъ дѣвочекъ!

— Нѣтъ, у насъ дѣвочки даже не думаютъ о любви...

— Не можетъ быть!.. Такъ неужели у васъ влюбляются въ совершеннолѣтнихъ идіотокъ...

— Наши женщины и послѣ совершеннолѣтія остаются такими же умными, какими были до совершеннолѣтія...

*) Мать всегда навѣрное извѣстна.
**) Отецъ никогда не извѣстенъ навѣрное

— Вотъ несчастныя!.. Значитъ онѣ не умѣютъ любить!..

— Нѣтъ, онѣ умѣютъ любить...

— Значитъ онѣ не умѣютъ любить!

— Еще какъ умѣютъ!..

— Значитъ онѣ не умѣютъ любить! Потому что настоящая любовь превращаетъ женщину въ идіотку...

— Увѣряю тебя, что можно любить и оставаясь умной!..

— Какъ ты заблуждаешься! Ну развѣ умная женщина можетъ творить тѣ великія глупости на которыя толкаетъ любовь! Вѣдь сущность любви, вѣдь таинство любви въ претвореніи двухъ умныхъ юныхъ существъ въ полоумныхъ, а затѣмъ и въ полныхъ идіотовъ...

Она такъ горячо и убѣжденно спорила, что я не хотѣлъ ей возражать.

Принимая молчаніе за побѣду, она фамильярно-кокетливо сказала:

— Ну-съ раскрывайте ротикъ. Лòжка простокваши никогда и никому еще не повредила.

Позавтракавъ простоквашей, мы продолжали урокъ объяснительнаго чтенія.

Изъ него я узналъ, что выраженіе „*и воцарися благодать, какой мы смертны тщились ждать*“ значитъ: „съ появленіемъ на землѣ простокваши воцарилось истинное счастіе и благополучіе, которыхъ напрасно, тщетно ожидало человѣчество при господствѣ Разума“.

Выраженіе „*щенецъ*“ употреблено для риѳмы вмѣсто „щенокъ“.

Умъ, т. е. Разумъ названъ „щенкомъ“ потому что онъ, какъ щенокъ лаєтъ на гиппопотама— Глупость. Но развѣ прокусить слабому щенку кожу гиппопотама!

„*Въ млеко кипное вверіъ сметану*“ значитъ „прибавилъ къ кипяченому молоку сметаны“. И такимъ образомъ создался „блевотный“, т. е. „противный“ варенецъ на радость противникамъ простокваши.

— Я лично не люблю варенецъ. Но скажи мнѣ, Содочка, почему именно такъ ненавидятъ его всѣ идіоты?

Сода вспыхнула, немного смутилась и загадочно протянула:

— Идіотъ-иностранецъ... Есть вопросы, которыхъ намъ съ тобою еще рано касаться... Да и докторъ запретилъ болтать съ тобой, а я совсѣмъ забыла о лекарствѣ... И вообще...

Она какъ то неожиданно, ни съ того ни съ сего ушла.

Словно мой вопросъ встревожилъ ее.

ВОСЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

Я опять остался одинъ полный новыхъ открoвеній.

Эта крошка меня взволновала своею недѣтскою серьезностью, своимъ краснорѣчивымъ разговоромъ, простотою своего обращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣтскою кокетливостью.

Въ вопросахъ любви она разбирается такъ ясно и свободно, что у насъ заткнула бы за поясъ многихъ даже маститыхъ курсистокъ.

Неужели въ Идіотіи дѣти созрѣваютъ такъ изумительно рано не только въ умственномъ отношеніи, но и въ отношеніи половомъ.

И какъ это вѣрно, что любовь дѣлаетъ людей идіотами.

И что любовь—болѣзнь.

И болѣзнь заразительная...

И какъ удивительно проста формула брака при такомъ взглядѣ на любовь: приходитъ докторъ специалистъ по любовнымъ болѣзнямъ и прописываетъ Соду, Кислоту, Буру, Рицину... словомъ ту дѣвушку отъ которой ты захворалъ...

Не даромъ прекрасный полъ въ Идіотіи беретъ имена изъ обиходной фармакопеи!

Изъ моего раздумья меня вывелъ стройный хоръ молодыхъ голосовъ подъ окнами.

Очевидно по улицѣ шли, маршируя.

Я разобралъ слова бравой пѣсни:

Запѣвало: Хороша отчизна наша,—
Идіотски хороша!
Хоръ: Простокваша—
Ростокваша—
Кваша—
Ваша—
Аша—
Ша!.
Запѣвало: Хороши порядки наши,—
Идіотски хороши!..
Хоръ: Простокваши—
Ростокваши—
Кваши—
Ваши—
Аши—
Ши!..
Запѣвало: Хорошо веселье наше,—
Всѣмъ по сердцу, по душѣ!..
Хоръ: Простоквашѣ—
Ростоквашѣ—
Квашѣ—
Вашѣ—
Ашѣ—
Шѣ!.
Запѣвало: Всѣхъ, кто знаетъ радость нашу,
Я подтягивать прошу!.
Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

— Что такое! Какая радость!—крикнула Сода въ окно.

Ей что то отвѣтили, послѣ чего она запыхавшись отъ радости, напѣвая „простоквашу“, вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Радость! Радость! Щумбржейякъ опростоквашился!

— Что это значитъ?

— На наше мѣстечко выпало счастье одинъ изъ нашихъ жителей на простоквашномъ пикникѣ въ Тыквѣ объѣлся простоквашей...

— Ему дурно бѣднягѣ, а ты радуешься!..

— Ему дурно!.. Ха-ха-ха.. Ему хорошо! Ему великолѣпно! Его тѣло везутъ сейчасъ съ идіотскими почестями и черезъ два дня оно будетъ здѣсь!.. Отнынѣ наша Рѣдиска попадетъ въ исторію! До сихъ поръ наше мѣстечко не было никому извѣстно, а сегодня... Сегодня наша Рѣдиска у всѣхъ на устахъ!.. Слышишь:

Запѣвало: Славьте всѣ Рѣдиску нашу!—
Всѣхъ подтягивать прошу!
Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

За окномъ пѣлъ хоръ, а въ моей комнатѣ къ нему присоединился серебряный голосочекъ Соды:

„Владимірская“ Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42.